

НОВАЯ МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ВЛАДИМИР КОРН
НЕБЕСНЫЙ
СТРАННИК

Небесный странник

Владимир Корн

Небесный странник

«Автор»

2013

Корн В. А.

Небесный странник / В. А. Корн — «Автор», 2013 — (Небесный странник)

ISBN 978-5-17-078848-4

Этот мир еще не знает силы пары и электричества, но воздушная стихия ему уже покорила. И потому, ловя парусами ветер, скользят по небу сотни и тысячи кораблей, так похожих на те, что бороздят моря и океаны. Люкануэль Сорингер, случайно попав на палубу одного из них еще мальчишкой, навечно заболел небом. Теперь, спустя десять лет, он капитан и владелец «Небесного странника». И пусть он очень мал, «Небесный странник», но это его собственный корабль, и вот оно, небо, рядом. Но за все в этой жизни приходится платить, в том числе и за осуществление своей мечты...

ISBN 978-5-17-078848-4

© Корн В. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Корн

Небесный странник

Пролог

Борт корабля пах кедром. Я провел по нему ладонью, затем прижался щекой. Помимо тепла, вобранного им от давно показавшегося над горизонтом солнца, от него исходил запах кедра.

Конечно, можно упрекнуть меня в том, что дуб при выборе материала для постройки корабля более предпочтителен и крепостью, и долговечностью, и стойкостью к жучкам-древоточцам, словом, всем, кроме веса. Но дуб не пахнет так, как пахнет кедр.

Я прошелся вдоль борта, ведя по нему ладонью. Обтесанные чуть ли не до зеркального блеска доски обшивки еще не успели потемнеть от времени. На носу корабля горели золотом буквы названия, и я поспешно оторвал руку от борта, словно не хотел оставить на надраенной меди никакого следа. Смешно, но именно так и было.

Весь путь от кормы до носа корабля уложился в двадцать три шага.

Единственная мачта, две небольшие надстройки, длинный бушприт и трюм вместимостью триста мер груза. Да, корабль мал, но это мой собственный корабль – «Небесный странник». И как же он красив, мой корабль, и как долго я о нем мечтал!

Поднявшись по сходням на борт, я задержался на мгновение, чтобы окинуть взглядом палубу: все ли надежно на ней закреплено? И сама она так ли чиста, как ей и положено быть?

Команда – все семь человек – на борту, здесь и первый мой заказчик: дородный, выглядевший вечно хмурым Кей Ильберт – торговец весьма средней руки. На этот раз к вечному недовольству на его лице прибавилось еще и выражение нетерпения – когда же, наконец, мы отправимся?

Я бы на его месте тоже особенно не веселился. Кей Ильберт старше меня едва ли не вдвое, а его товара не хватило даже на то, чтобы заполнить единственный трюм «Небесного странника» больше чем наполовину.

Но он первый, кто воспользовался моими услугами, и потому пусть Создатель пошлет ему удачу стать действительно крупным торговцем. Пусть всех, кто и в дальнейшем воспользуется услугами моего корабля, удача преследует по пятам, чтобы все они говорили о «Страннике» только хорошие слова.

Ну что ж, можно отправляться.

Поднявшись на мостик и еще раз оглядев корабль, я громко хлопнул в ладони – пора!

Хлопать при отправлении – обычай, соблюдаемый и на огромных четырехмачтовых торговых кораблях, и на заставленных катапультами военных, и на таких крохах, как мой «Странник». Так принято.

Энди Ансельм, ухватившись за один из воротов кабестана, закрутил его, все своим видом показывая, как невероятно тяжело ему проворачивать лебедку в одиночку. Энди не может без того, чтобы не продемонстрировать нечто подобное, чем бы он ни занимался.

Корпус «Небесного странника» вздрогнул, что-то внутри него скрипнуло раз, другой, и корабль медленно пошел вверх, поднимаясь все выше и выше.

Когда он вознесся на высоту человеческого роста, Энди, повинаясь моей новой команде, замер, перестав вращать кабестан, и для меня наступил ответственный момент – определить, все ли в порядке. Прежде всего правильно ли размещен груз в трюме корабля, ведь от этого зависит, как поведет себя «Небесный странник», поднявшись высоко в небо.

Сразу после его постройки при пробном полете мы испытали корабль с полной загрузкой, набив трюм камнями такого веса, какой он не поднимет никогда больше в своей жизни, и «Странник» вел себя отлично. Но существуют правила, они придуманы не нами, и люди порой платили за них жизнью. И потому, перед тем как подняться высоко в небо, мы зависли над землей.

Нет, как будто бы все хорошо – корабль висел в воздухе ровно, и я скомандовал Энди, по-прежнему державшемуся за рукояти кабестана:

– Три оборота вправо, поднимаемся! – После чего, обращаясь уже к Гвенаэлю, добавил: – Поднять парус!

«Небесный странник» снова заскрипел, на этот раз мачтой, поймавшей парусом ветер, и начал медленно набирать ход.

Глава 1

Л'хассы

Никто не знает, когда и как появились л'хассы – сине-зеленые полупрозрачные камни, размером с два мужских кулака, с бьющимся внутри них языком пламени.

На этот счет бытует множество легенд и домыслов. Кто-то всерьез утверждает, что они – пролившиеся на землю и окаменевшие слезы Богини-Матери; кто-то настаивает на том, что камни – осколки небесного трона Создателя. Есть и другие, считающие, что л'хассы созданы в незапамятные времена на земле могущественными Древними, и секрет их создания утрачен навсегда.

Но как бы там ни было, именно л'хассы позволяют поднимать корабли высоко в небо, где они скользят над землей, гонимые наполненными ветром парусами.

С момента полета первого летучего корабля прошло уже два столетия. Именно тогда, двести лет назад, личный алхимик правителя нашего герцогства обнаружил, что л'хассы категорически не желают сближаться со сплавом из нескольких металлов, чей состав до сих пор держится в страшном секрете.

Так вот, л'хассы не желают сближаться со сплавом до такой степени, что необходимо приложить неимоверно много усилий, чтобы их остановить, причем они всегда устремляются не в бок или вниз, а именно вверх. Рассказывают, что некоторое время алхимик забавлялся, подставляя под л'хассы пластинки из сплава и наблюдая за тем, как камни парят в воздухе.

Однажды он загнал л'хасс под самый потолок, где тот уперся в каменный свод. А когда алхимик изо всех сил попытался прижать пластину к л'хассу, желая к нему прикоснуться, свод не выдержал и по нему во все стороны разбежались трещины.

Наверное, тот алхимик был весьма настырным или у него попросту других дел не имелось, если он позволял себе маяться дурью...

Ну а дальше все просто. Вероятно, алхимик герцога оказался еще и неплохим механиком и вообще неглупым человеком, поскольку сообразил, какую выгоду можно извлечь из поведения л'хассов.

Сначала он изобрел нехитрую механическую конструкцию, позволяющую с легкостью поднимать и опускать тяжеленные башенные ворота в герцогском замке. Затем ему пришло в голову использовать л'хассы при подъеме грузов. И уже только потом он догадался применить их так, как применяют их и по сей день, – поднимать в воздух корабли. Л'хассы стремительно подскочили в цене, и теперь они очень дороги. А ведь утверждают, что еще двести лет назад они чуть ли не под ногами валялись. Что неудивительно, ведь тогда от них абсолютно не было никакого проку.

Так бы, наверное, все продолжалось и по сей день, если бы не личный алхимик герцога, чье имя история даже не сохранила...

* * *

Я родился в семье рыбака в небольшой деревушке Гволсуоль, расположенной на побережье Кораллового моря, и потому все мои детские воспоминания связаны именно с морем.

Вот я сижу на руках у матери, пытающейся разглядеть белое пятнышко паруса возвращающейся рыбацкой лодки отца. Вот сам отец, веселый, улыбающийся, пропахший морем и рыбой, и его сильные руки, подкидывающие меня высоко вверх. А вот я уже подросток, и теперь жду отца на берегу, стоя рядом с матерью и держа ее за руку.

Потом отец первый раз берет собой меня в море, где так страшно и интересно, когда выглядываешь из-за борта в синюю глубь моря, высматривая тех чудовищ, о которых столько слышал ненастными длинными вечерами. Еще немного времени – и вот я уже помощник, наравне с отцом тяну из воды кажущиеся бесконечными сети, страшась уколоться о рыбий плавник. Наконец, мое первое самостоятельное плавание – отец болеет, а в доме нечего есть.

Так и прошло все мое детство, и, вероятно, я повторил бы судьбу отца, связавшись навсегда с морем, если бы не одно событие, перевернувшее всю мою жизнь.

Конечно, пролетающие в небесах корабли я видел уже много раз. Но никогда, ни во сне, ни в самых сокровенных своих мечтах мне не привиделось, что я могу оказаться на борту одного из них.

Однажды на песчаный пляж близ Гволсуоля опустился корабль. Двухмачтовый корабль с бортами, выкрашенными в бледно-синий цвет, и с изображением трезубца в красном кругу на парусах.

Событие для нашего рыбацкого селения было из ряда вон выходящее, и неудивительно, что рядом с ним собрались все ее жители, в то время – человек триста. Хотя за прошедшие с той поры почти десять лет людей в Гволсуоле вряд ли прибавилось, скорее уж наоборот.

Корабль назывался «Орегано». Как я узнал позже, есть такой город на севере герцогства, на самом краю его территорий, где они граничат с пустыней и где среди песчаных барханов живут бхайры.

Не прекращающийся последние несколько дней шторм утих лишь накануне, и потому все мужское население Гволсуоля находилось на берегу. В море с утра никто не ушел, разгуливающая стихия разбила косяки рыб, так что о богатом улове можно было даже не мечтать.

«Орегано» завис над песком пляжа примерно на высоте половины человеческого роста, а затем мягко на него опустился. Он не завалился набок, потому что все летучие корабли, в отличие от морских, имеют плоские днища, и только жалобно заскрипел под ним песок. Затем от «Орегано» примерно посередине борта отделилась его часть, чтобы лечь на землю и превратиться в трап. Тогда я еще не знал, что при всей своей схожести небесные корабли не могут садиться на воду. Тогда я многого еще чего не знал.

В образовавшемся проеме показалось два человека. Они сошли на песок и застыли по обеим сторонам трапа. Следом за ними появился и третий, как выяснилось, капитан «Орегано». Он оказался настолько рыжебород, что я да и все остальные глядели теперь не на чудо, спустившееся с небес, а на его бороду.

Борода у него была не просто рыжая, таких и в Гволсуоле хватает, нет – на солнце она горела огнем.

Капитан корабля спустился по трапу, обвел взглядом собравшихся жителей Гволсуоля, коротко кивнул, приветствуя всех, поправил кожаную, с зауживающимися сверху полями шляпу и сразу же перешел к делу:

– Бывал ли кто-нибудь из вас на Сиоле?

А чего не бывать, на нем чуть ли не все мужчины бывали, поди, морем кормимся.

Сиоль – остров, расположенный на юго-востоке от Гволсуоля, в дне пути под парусом при попутном ветре. Я там тоже бывал, а однажды нам с отцом чуть ли не неделю пришлось пережить на нем шторм. Помню, когда мы вернулись, мать долго ругала отца за то, что мы пропали так надолго. Как будто бы от него зависело, что непогода налетела внезапно и держалась так долго.

А еще у острова со стороны моря всегда неплохо ловится скумбрия на переметы. Сам Сиоль почти сплошь покрыт скалами, и только в одном месте берег уходит в море длинной песчаной косой. На нем даже вода есть – единственный ручеек, маленький, но никогда не пересыхающий. Только его не найдешь, если не знаешь, где именно он прячется среди камней. Ну и

древние развалины на вершине одной из скал. Настолько древние, что теперь даже непонятно, что именно они когда-то собой представляли.

– Ну так что, есть желающие отправиться вместе с нами на Сиоль? – не дождавшись ответа, задал очередной вопрос огнебородый.

Не знаю, что тогда толкнуло меня в спину: рука моего закадычного дружка Гиромы или же длань самой судьбы, но опомнился я только после того, как оказался на несколько шагов впереди всех.

Капитан скептически взглянул на меня, затем посмотрел на остальных – что, мол, у взрослых мужчин не хватило мужества?

Я оглянулся вслед за ним. Нет, никто желания не выказал. Предложи он оплату, желающие и нашлись бы, но о деньгах даже не упоминалось, а незаконченных дел всегда столько, что делать их и не переделывать.

Возможно, присутствуя на берегу мой отец, вся моя дальнейшая жизнь сложилась бы по-другому, но к счастью, среди собравшихся поглазеть на летучий корабль его не оказалось.

– Ну что, малец, пойдем?

Помню, я возмущился в душе, когда рыжебородый назвал меня так.

Какой же я малец, в четырнадцать-то лет?

И пусть я не выше всех в Гволсуоле, но и коротышкой назвать меня трудно. Да и как можно называть меня мальцом, если мне пришлось чуть ли не полгода одному кормить семью, когда болел отец? Еще помню, капитан «Орегано» Кторн Миккейн, так его звали, смотрел на меня насмешливо, и именно его взгляд заставил меня шагнуть внутрь корабля.

Внутри корабль не слишком отличался от тех, на которых мне уже довелось побывать, разве что запах был несколько иным. А так все было знакомо: та же палуба, мачты и паруса, штурвал, и даже названия такие же, хотя некоторые вещи и выглядели необычно. Чего там говорить, было страшно, даже очень, особенно когда я почувствовал, как начала давить на ступни палуба корабля – знак того, что он оторвался от земли.

Наверное, так бы я и просидел, опершись спиной на ствол одной из двух мачт, если бы не все тот же слегка насмешливый взгляд капитана. Именно он заставил, преодолевая себя, подняться на ноги и, подойдя к борту, посмотреть вниз. И страх куда-то сразу пропал, исчез, растворился, настолько увиденное зрелище заставило меня затаить дух от восхищения.

Вот он, мой родной Гволсуоль, поделенный на квадратики домов и огородов. Если приглядеться, можно разглядеть крошечные фигурки людей, все еще стоящих на пляже, откуда мы только что поднялись ввысь. Берег, с белой полоской прибоя, лодки на песке... А море, как интересно посмотреть на него сверху!

Там, где глубина еще не велика, вода кажется светлой, а уже дальше она становилась все темнее и темнее. И сквозь ее толщу можно разглядеть огромный косяк рыбы, идущий вдоль берега.

Меня так и подмывало крикнуть: что ж вы стоите – семга идет! Этого события так долго ждали, семга проходит мимо Гволсуоля недолго, всего несколько дней, и надо успеть.

Затем море под нами посветлело узкой полоской, идущей наискось от берега.

«Отмель», – догадался я. В прошлом году на нее на полном ходу выскочил старый Карлис, и его баркас дал течь, ударившись днищем о камень. А случилось все потому, что пьян он был. Вообще-то Карлис пьет очень редко, но на этот раз у него...

– Как тебя зовут, парень? – услышал голос я за спиной, оторвавший меня от созерцания уже далекого берега, где родной Гволсуоль растворялся в дрожащем мареве.

Меня окликнул рыжебородый капитан. Сейчас, вблизи, когда его глаза перестали прятаться в тени под полой шляпы, я смог разглядеть, что зрачки у него были такого же огненно-рыжего цвета, как и борода.

Я невольно отшатнулся, настолько поразил меня цвет его глаз.

– Люкануэль Сорингер, господин капитан, – не медля ни мига, ответил я, всем своим видом стараясь показать, что вовсе не такая уж и деревенщина, каковой могу показаться на первый взгляд.

До этого мне уже приходилось несколько раз бывать на палубах больших кораблей, пусть и не летучих, и даже разговаривать с их капитанами. И вообще, я обучен счету, могу читать, правда, пока по слогам, и даже писать свое имя, причем ошибаюсь редко. И увидеть мне довелось не только свой родной Гволсуоль, но и города, настоящие города, где народу живет раз в десять больше, чем в нашем рыбацьем поселке. И не надо смотреть, капитан, на мою одежду, кто же мог знать, что я окажусь на твоём корабле? Есть у меня и праздничный наряд, и даже сапоги.

– Люкануэль, говоришь? – задумчиво протянул рыжебородый и рыжеглазый капитан. – Ане можешь ли ты мне помочь, Люк?

– Да, господин капитан, я многое умею! – с готовностью гаркнул я, в глубине души искренне надеясь, что моя помощь не будет заключаться в том, чтобы помыть палубу, и без того безукоризненно чистую. А... Оглянувшись по сторонам, но так и не придумав, в чем могла бы заключаться моя помощь, я застыл в ожидании.

– Это хорошо, что многое, хотя сейчас нам все твои умения и не понадобятся. – Взгляд у капитана изменился с насмешливого на испытующий. – Всего-то нужно взобраться на мачту и подтянуть во-о-он тот фал, видишь? На мой взгляд, он дал слабинку. Сделаешь?

– На мачту?!

Я взглянул на мачту, на капитана, за борт, на далекое море с видневшимся на его глади одиноким парусным корабликом, выглядевшим сейчас не больше тыквенного семечка... Затем снова на мачту и опять на капитана, внезапно почувствовав, как холодно стало босым ступням.

– На мачту?!!

Почему-то мне очень ярко вспомнилось, что не так давно случилось с одним из моих друзей – Калвином.

Рядом с Гволсуолем стоит в воде одинокая скала, почему-то называемая скалой Висельника. Со стороны берега к ней можно добраться, не замочив даже коленей, но с другой стороны у подножия скалы такая глубина, что о ней легенды ходят. А на самой ее вершине есть выступ, нависающий над морем козырьком. Высота там очень приличная. Но сколько впечатлений получаешь за те краткие мгновения, которые нужны, чтобы долететь до воды!..

Все не так уж и страшно, главное – правильно войти, и тогда ничего с тобой не случится. Но днем – это чепуха, вот когда прыгаешь ночью, с факелом в руке!.. Сложность в том, чтобы отбросить факел в сторону за мгновение до того, как его свет сольется с отражением на воде и, успев вытянуться в струну, устремить вперед руки. Даже сейчас, через много лет, при воспоминании о тех ночных прыжках у меня всякий раз замирает дух.

Калвин прыгал днем, последним. Вечерело. Мы поджидали его, чтобы отправиться в деревню. Он не успел собраться и вошел в воду как-то неловко, после чего долго не показывался на поверхности. А когда, наконец, всплыл, мы бросились к нему, понимая – что-то случилось.

Когда мы принесли его в Гволсуоль, Калвин еще дышал. Старая Крина, его бабушка, а у него больше и нет никого, послала меня к Прачету, нашему деревенскому лекарю. Но Калвин умер, так и не придя в себя, еще до того, как я с Прачетом возвратился к ней в дом.

Старая Крина недолго пережила Калвина, а их дом с тех пор стоит пустой. За полгода до этого не вернулись с моря два других ее внука, братья Калвина, а родители его умерли уже давно. Оставался еще один брат – Кремон, но с тех пор, как он уехал из Гволсуоля, никто о нем ничего не слышал...

Мне представилось как наяву безвольно качающееся на невысокой волне тело Калвина, и я почувствовал, как заходили ходуном ноги. Ведь высота, на которой мы находились, не шла ни

в какое сравнение с высотой скалы Висельника, и если я сорвусь... И я непроизвольно сделал шаг от борта корабля.

– Ну так что, Люк, ты мне все же поможешь?

Взгляд капитана «Орегано» вновь стал насмешливым. Почему-то я понимал, что если сейчас откажусь, произойдет нечто важное, такое, что уже нельзя будет изменить.

К вантам, соединяющим палубу с вершиной мачты, я шел на деревянных ногах. Ванты, сплетенные из крепких канатов толщиной с запястье, стали вдруг казаться мне тонкими и непрочными. Стараясь не смотреть на бездну за бортом, я начал подниматься.

Мне приходилось лазать по вантам не один раз, но никогда прежде подъем не давался с таким трудом. Наконец, вот и она, вершина мачты, я все же смог перебороть себя, и теперь оставалось только набраться мужества и оторвать взгляд от самой мачты. Но когда я все же смог это сделать и оглянулся по сторонам, то замер, замер от восторга. Господи, какой красивый открывался отсюда вид!

И еще волшебное чувство, что ты летишь сам, а корабль – только твой помощник. Безбрежное море, близкое небо, и за него, кажется, можно потрогать далекий берег в синеватой дымке...

В тот момент я понял, что пропал, пропал навсегда, и ничто в мире не сможет помешать мне вновь и вновь оказываться высоко над землей.

Наконец оторвавшись от бесконечно красивого вида, простирающегося вокруг, я вспомнил, зачем стою здесь, на самой верхушке мачты. Фал оказался натянутым до звона, издаваемого струной, а значит, можно не отвлекаться на всякие пустяки и снова любоваться бесконечно красивым видом.

К реальности меня вернул голос одного из матросов «Орегано», заявившего, что от страха, дескать, у мальчика свело руки и теперь придется отправлять кого-нибудь на мачту, чтобы спустить его вниз.

Когда я очутился на палубе, первым, кого я увидел, был капитан.

– Ну как? – коротко поинтересовался он.

– Красиво! – только и смог ответить я.

Клянусь чем угодно, на этот раз в глазах капитана «Орегано» я узрел выражение удовлетворения...

На острове Сиоль мы пробыли две недели, и к концу этого срока я считал себя одним из команды «Орегано». Пусть самым молодым и неопытным, которому поручается только то, что на обычных кораблях доверяют юнгам, но разве теперь для меня все это что-нибудь значило? Так я и не понял, зачем «Орегано» опускался у Гволсуоля: то ли для того, чтобы кто-то из его жителей показал единственный источник воды на Сиоле, то ли для того, чтобы я встретился со своей судьбой.

Все две недели несколько одетых в балахоны людей, постоянно державшихся особняком, копались в развалинах, явно пытаясь что-то найти. Что именно, не знал никто, подозреваю, даже капитан Миккейн. Судя по их недовольным лицам, когда мы улетали с острова, найти им не удалось ничего.

Обратный путь в Гволсуоль заставил меня сильно понервничать. Нет, не потому, что один из матросов, невысокий, черноволосый и черноглазый вьюн, сказал, что таких пассажиров, как я, высаживают прямо на лету.

– Будем пролетать над Гволсуолем – снизимся, – заявил он, – и постараемся сбросить тебя прямо в трубу твоего дома, мы всегда так делаем. Если не хочешь в трубу а, например, во двор, заранее попроси господина капитана. Но в любом случае, сбросить тебя придется.

Нет, боялся я совсем не этого, другого: меня высадят в Гволсуоле, а сами улетят дальше. И на этом все закончится. И мне никогда уже не придется подняться в небо, туда, где я теперь постоянно летал даже во сне.

Но нет, все мои страхи оказались напрасными. Капитан «Орегано» сам подошел ко мне и предложил то, что я все время оттягивал на самый последний момент, опасаясь отказа, – остаться в команде.

Следующие пять лет моей жизни неразлучно были связаны с «Орегано». А матрос, который все пугал меня тем, что домой мне придется вернуться через трубу, оказался вполне неплохим парнем, и мы даже сдружились. Зовут его Энди Ансельм, и теперь он один из команды «Небесного странника».

В Гволсуоле после этого я побывал только один раз, погостив две недели. Привез подарки отцу с матерью и брату, успевшему жениться и обзавестись парочкой сопливых карапузов, для которых я стал дядей. Матери я втайне от отца также оставил денег – немного, у меня тогда их почти не водилось. Вернее, не так – я копил золото на покупку медальона воздушного навигатора. Потом, став навигатором, я начал откладывать деньги, надеясь когда-нибудь накопить на собственный корабль и уже на нем прилететь в родные края.

За тот срок, что я отсутствовал в Гволсуоле, там не изменилось ничего.

Да и что могло измениться? Можно с точностью предсказать, что будет происходить день за днем на целый год вперед. И на следующий год, и еще на следующий, и так раз за разом.

После осенних штормов начнется рыбалка на проходящую мимо Гволсуоля семгу. Затем, перед праздником в честь Богини-Матери, из ближайшего города Тири, куда и уходит весь улов, прибудет сборщик налогов. Он приезжает два раза в год, и всегда день в день. Его встретит староста Олор Прачет, сын старого Прачета – лекаря. С Олором сборщик налогов пропьанствует пару дней, после чего снова уедет в Тири. А староста, приходя в себя, будет неделю болеть, потому что пить ему нельзя. Да, забыл добавить. На следующий день после приезда сборщика налогов вечером в дом к старосте придет Каира, вдова пропавшего в море Катора Милза, чтобы покинуть дом только утром, стыдливо пряча глаза.

Все то время, что я гостил в родительском доме, на душе было немного грустно и в то же время радостно, что мне не придется провести в Гволсуоле всю оставшуюся жизнь.

* * *

После нескольких лет службы на «Орегано», получив медальон воздушного навигатора, по рекомендации капитана Кторна Миккейна я ушел на «Барракуду», копию «Орегано» – такой же двухмачтовый парусник, отличающийся только более высокой надстройкой на носу Кристан Нейсар, капитан «Барракуды», остался без помощника внезапно – тот исчез во время ночной вахты. Такое бывает, причем чаще, чем можно подумать, и все отлично знают: вывалиться во время полета корабля – верная смерть. Это тебе не море, когда, упав за борт, шансов, что тебя найдут, подберут или сам сможешь куда-нибудь выплыть, значительно больше.

Хотя слышал я и о другом случае – один из матросов умудрился не превратиться в лепешку, удачно угодив на крутой, поросший кустарником склон заболоченного оврага. Правда, на борт летучего корабля после своего вынужденного полета он больше ни ногой, но в остальном жизнь у него сложилось вполне удачно. Конечно же, по его представлениям, в любой таверне, где любят отдыхать воздухоплаватели, или как сами они себя называют – парители, были рады его видеть за своим столом. Ему всегда и наливали, и кормили бесплатно, лишь просили рассказать о том, как он, вывалившись с летучего корабля, сумел остаться в живых.

Оно и понятно – выпасть за борт может каждый, и вот оно, живое подтверждение, чудеса все же случаются, пусть и очень, очень редко...

Мой новый капитан, Кристан Нейсар, походил на прежнего только сложением – оба они среднего роста и широкоплечие. Ну и еще возрастом, обоим около сорока. Но в отличие рыжеволосого и рыжебородого Миккейна Нейсар – брюнет и всегда с гладко выбритым лицом. Имелись и другие отличия. Если Кторн Миккейн мог иногда быть очень жестким, порой даже жестоким, то капитан «Барракуды» никогда не повышал голос, но умел посмотреть так, что лучше бы уж он от души выругался.

Отношения у меня с новым капитаном сложились сразу. Понаблюдав за мной некоторое время и задав пару десятков вопросов, иногда очень каверзных, он доверил мне самостоятельные вахты, в том числе и ночные. Что само по себе людям понимающим о многом уже говорит. И все же с «Орегано» на «Барракуду» я уходил неохотно. Понятно, что должность навигатора – не работа матросом. Тут и жалование выше, и уважения больше. Только вот слишком уж я считал себя обязанным Кторну Миккейну за все то, что он для меня сделал. Ведь и навигатором я стал во многом благодаря ему.

Капитан Миккейн помог мне и еще в одном деле – обнаружить мой талант. Случилось это после того, как «Орегано» пришлось побывать в Желтом тумане.

Желтый туман страшен именно кораблям, бороздящим небо. На земле его можно и не заметить, лишь ощутить на лице липкую жидкость, чтобы недовольно смахнуть ее рукой. Он не ядовит, не мешает дышать, случается редко, словом, жить никому не мешает.

Но только не тем, кто в небе. Потому что л'хассы теряют в Желтом тумане всю свою силу, иногда так быстро, что порой корабль, не успев опуститься, попросту падает с неба на землю.

Определить, что на тебя надвигается Желтый туман, можно и ночью, ведь он светится желтыми искорками. Когда ветер очень силен, можно не беспокоиться – на высоте он непременно развеет туман. И все равно, чуть ли не первая обязанность человека, несущего вахту на мостике, – следить, чтобы летучий корабль не попал в Желтый туман.

Конечно, к тому времени, когда мне впервые пришлось столкнуться с Желтым туманом, я уже был достаточно наслышан о нем еще в первое время своего пребывания на борту «Орегано». Чем еще заниматься на ночных вахтах в ожидании приказов с мостика, как не слушать рассказы об ужасах, случающихся с небесными кораблями, особенно когда твой лучший и пока единственный друг знает великое множество таких баек.

Сначала действительно было жутковато, представляя, что летишь себе, летишь, рассчитывая завтра опуститься где-нибудь в Борнместире, когда вдруг – палуба резко уходит из-под ног, проваливаясь, и тебе только и остается, что ее догонять, встретившись уже на земле. Затем рассказы Энди Ансельма – а именно он старательно меня ими пичкал, – потеряли ту остроту и свежесть восприятия, что была присуща им в самом начале.

Мы отлично с ним поладили, с Энди, хотя он и старше меня на целых семь лет.

Наше общение, поначалу вынужденное, по крайней мере с его стороны – капитан Миккейн поручил ему приглядывать за мной, вскоре переросло в дружбу. И именно благодаря его рассказам, когда пришло время встретиться с Желтым туманом наяву, я был уже готов к этой встрече...

Когда с мостика пришел приказ немедленно спустить паруса, Энди как раз рассказывал мне очередную историю, правда, на этот раз в ней не присутствовало ничего ужасного.

– Представляешь, Люк, – начал он тоном, которым делятся самыми сокровенными тайнами, – на самом деле меня зовут совсем не Энди Ансельм. – Он немного помолчал, затем, явно делая над собой усилие, продолжил: – Правда, я совсем не знаю, можно ли доверить тебе самый большой секрет в моей жизни.

– Говори, Энди, клянусь самым Создателем, что я унесу его с собой в могилу, – уверил его я.

С одной стороны, мне до ужаса хотелось узнать секрет Энди, уж больно таинственно звучал его голос. А с другой – уже тогда я понимал, что чем меньше у тебя секретов, как и своих, так и – особенно! – чужих, тем спокойнее живется на свете.

– Так вот, – и голос моего собеседника снизился почти до шепота, – я сын нашего герцога.

Тут мой интерес к его сокровенной тайне резко упал, потому что в прошлый раз он оказался сыном очень богатого купца, выгнанного из дома разгневанным отцом и лишенным наследства. А до этого – выходцем из клана могущественных шаманов, живущих в пустыне бхайров. И это еще не все.

Но чуть позже я слушал его особенно внимательно, потому что время приближалось к самому концу ночной вахты, все мы жутко проголодались и с нетерпением поглядывали на дверь, ведущую в матросский кубрик. Оттуда вот-вот должен появиться Блез, наш повар, чтобы приступить к приготовлению завтрака. А Энди рассказывал, чем его якобы потчевали в отцовском дворце, причем подробно описывая: как выглядело каждое блюдо, каково оно на вкус и что он чувствовал, когда его ел.

Он как раз приступил к описанию очень сложного блюда, состоящего из двух дюжин сортов мяса, причем о половине животных, нужных для его приготовления, я и слышать-то не слышал. И тут с мостика раздался громкий встревоженный голос навигатора «Орегано» Стемена:

– Убрать паруса! – Затем, чтобы все прониклись и исполнили его приказ как можно быстрее, Стемен добавил: – Желтый туман!

Как он ни старался, голос его все же дрогнул.

От того же Энди я знал, что при встрече с Желтым туманом, если невозможно ее избежать, необходимо как можно быстрее опуститься на землю. Тогда и л'хассы можно спасти, а главное – не погибнешь сам, рухнув вместе с кораблем. Но перед тем как закрутить кабестан, опуская корабль, паруса необходимо убрать. Иначе при резком спуске может случиться и другая беда – корабль завалится набок.

Я даже рот открыл – с такой скоростью «Орегано» лишился парусов после команды с мостика. Затем старший вахты Сигл по приказу с мостика закрутил кабестан, лишая л'хассы подъемной силы и опуская «Орегано» на землю.

Вообще-то на самом деле чернобородого верзилу Сигла звали Сигллуавергенстайн Криаднестертль, и он, несмотря на свой вечно хмурый вид, оказался вполне веселым парнем, обещающий каждому, кто сможет произнести его имя три раза подряд без единой ошибки, стакан рома. Но тогда он выглядел так, что сразу становилось понятно: вряд ли ему самому удастся выговорить свое собственное имя без запинки хотя бы единожды.

Из каюты выскочил наспех одетый и крайне встревоженный капитан Миккейн, и двумя скачками по трапу оказался на мостике. От него уже ничего не зависело, и капитан просто занял место, которое он обязан занять в такой ситуации.

В тот раз мы успели опуститься на землю до того, как «Орегано» окутал Желтый туман. Но главное, именно тогда, при первой встрече с этой напастью, я и обнаружил в себе тот дар, что до сих пор тщательно скрываю от всех. И на то есть причины.

Тогда я случайно оказался свидетелем разговора капитана Миккейна с навигатором Стеменом. Они говорили, что нет времени стоять здесь долго, но и риск подниматься в небо неоправданно велик, а вот будь ветер чуть посвежее... Помню, я даже открыл рот, чтобы вклиниться в их разговор, но тут же себя одернул – кто я такой, чтобы лезть со своими советами?

Капитан Миккейн все же заметил мою попытку и, отпустив помощника, спросил:

– Говори, Люк, если тебе есть что сказать.

И мне не оставалось ничего больше, как сказать ему то, что мне виделось.

Чуть позже, когда мы уже поднялись в небо, капитан подозвал меня к себе. Задав несколько вопросов и убедившись в том, что на все у меня есть ответы, он надолго умолк.

– Да уж, – наконец произнес Миккейн, – я таком слышал, причем не один раз, но сталкиваюсь впервые. И вот что я хочу сказать тебе, парень: молчи. Даже слова никогда не говори о том, что знаем теперь мы двое. Или ты хочешь оказаться там? – С этими словами он взглядом указал высоко в небо. – Тогда – да, тогда другое дело. В этом случае я даже могу тебе поспособствовать. Есть у меня знакомые, и стоит им только намекнуть, как ты сразу же там и окажешься.

После чего капитан Миккейн снова посмотрел вверх.

Там, куда смотрел капитан, я оказаться совсем не хотел. К тому времени я пробыл на борту «Орегано» полгода и знал уже многое из того, о чем раньше не то что понятия не имел, а даже не догадывался.

Там – это не на самих небесах, куда рано или поздно попадают все. Нет, чуть ниже.

Как раз над нами высоко в небе шел четырехмачтовый корабль Ост-Зейндской Торговой Компании. Высоко так шел. На такую высоту «Орегано» никогда не забраться. Если, конечно, не прибавить к уже имеющимся у него четырем л'хассам еще два раза по столько.

Ост-Зейндская Торговая Компания настолько велика и богата, что сама по себе является чуть ли не отдельным государством. Думаю, что история ее создания стоит того, чтобы вкратце ее рассказать.

Кертис Слейм – а именно он создал компанию, и произошло это событие без малого полсотни лет назад, – был, безусловно, человеком талантливым во многих отношениях. Начиная он с двух летучих кораблей, по рассказам, чуть больше «Орегано», а теперь флот компании насчитывает чуть ли не три десятка четырехмачтовых гигантов, бороздящих небо во всех направлениях. Кроме того, компания имеет и мощный пассажирский флот, хотя и не такой многочисленный, как торговый.

Что еще является ее особенностью? Компания создавалась как товарищество на паях, и Слейму со временем удалось сделать ее пайщиками многих сильных мира сего, причем не только в нашем герцогстве, но и в некоторых других странах. И потому, как бы ни складывалась обстановка между этими странами, компания спокойно перевозит грузы, пассажиров, принося своим пайщикам очень неплохой доход.

Сами же корабли компании, оснащенные иногда едва ли не двумя десятками л'хассов, летают так высоко в небе, что Желтый туман им не страшен. И платят у них хорошо, и карьеру сделать вполне можно, да и сама по себе принадлежность к компании дает многие преимущества. Казалось бы, чего еще, но... вот не хотел я туда. Хотя оказаться на одном из кораблей Компании мечтают многие, и понять их можно – это не только почетно, но и выгодно.

Мне нравилась жизнь, начавшаяся после того, как я покинул Гволсуоль, и ничего менять мне в ней не хотелось. Да и что это за полет, когда летишь где-то там, в высоте, за облаками, где всегда холодно и откуда земля видна только через расплывчатую дымку? Поднимешься в небо из Диграна, чтобы через две недели оказаться в Эгастере. После чего полет снова в Дигран, и так может продолжаться годами. Нет, такой вариант меня совершенно не устраивал, поэтому, подумав, я решительно заявил:

– Я вас понял, господин капитан, и постараюсь сделать так, что никто никогда не узнает то, о чем я только что узнал сам.

На это Кторн Миккейн кивнул: мол, разумный выбор, я рад за тебя.

Смелое, наверное, решение, для человека, которому в то время едва исполнилось пятнадцать лет, но я до сих пор о нем ни разу не пожалел.

* * *

На «Барракуду» я перешел вместе с Энди Ансельмом. То, что я возвысился до навигатора, на наши с ним дружеские отношения не очень-то и повлияло. Конечно, теперь он не

мог вести себя так, как прежде. Например, заявить о том, что, пролетая над Гволсуолем, меня сбросят в трубу моего дома. И за те несколько лет я все не преставал удивляться его таланту лгуна. Энди мог рассказать четверем разным человекам одну и ту же историю, произошедшую с ним в Ая-Гухиле, и хоть бы одно слово сошлось! Кроме самой сути – там у него украли кошелек с деньгами. Причем и монет в нем при каждом рассказе было по-разному. Поначалу, попав на «Орегано», я слушал его разинув рот – ведь передо мной открылся новый мир. И в нем уже не было места прежним рассказам старых гволсуольских рыбаков о гигантских косяках рыб, таких плотных, что по ним можно ходить, о ядовитых морских змеях величиной с пальмы на берегу и о гигантских спрутах, порой вытягивающих бедных ловцов рыбы прямо из лодки. Теперь они сменились былями об бесследно исчезнувших в небе кораблях, о змеях, но уже летучих, и другими историями, как правило, трагичными и ужасными. И во всех них Энди каждый раз оказывался непосредственным участником.

Через некоторое время мне начала приходить в голову мысль, что слишком уж много различных событий для жизни одного человека. Еще позже я перестал воспринимать рассказы Энди всерьез, а однажды так прямо и заявил: он, дескать, все врёт. Впрочем, даже мое заявление не помешало Энди при каждом удобном случае пичкать меня очередной историей. Но при всем при этом я твердо убежден в том, что Энди никогда не подведет, и если он возьмется прикрывать спину в драке, то за нее можно быть совершенно спокойным. Особенно если учесть, что Энди, не слишком отличавшийся ростом и статью, отменно владел ножом.

– Наследственное, – говорил он. – У нас вся семья такая. Если ты спросишь в тех местах, откуда я родом, тебе всегда скажут – на ножах Ансельмам равных нет.

И в отличие от много другого, в эти его слова я безоговорочно верил. Хотя бы потому, что видел, как Энди управляется сразу с двумя ножами. В конце концов, я попросил его обучить меня этому искусству, на что он охотно дал согласие. Разве что обучать меня бою двумя ножами не стал, заявив, что только напрасно потеряем время, предложив научиться владеть хотя бы одним. И ведь смог же научить, пусть и до его мастерства мне еще очень-очень далеко.

Сама работа на новом корабле оказалась прежней, ведь и «Орегано» и «Барракуда» принадлежат Коллегии. Всего у Коллегии пять летучих кораблей, и у каждого из них на парусах изображен ее герб – красный трезубец, похожий на три растопыренных пальца, заключенный в красный круг. Только сразу договоримся: о самой Коллегии я ничего рассказывать не буду. И не только потому, что мне строжайше запрещено говорить о ней всю оставшуюся жизнь. Наверное, это покажется странным, но я сам о Коллегии знаю не больше тех, кто никогда не имел к ней никакого отношения. И нечего удивляться тому, что за столько лет я о Коллегии так почти ничего и не узнал. Судите сами.

И на «Орегано», и на «Барракуде» мы доставляли людей из Коллегии в самые неожиданные места, забирали их оттуда, возили им грузы. Бывало, доставив пассажира в очередное место, мы долго ждали, когда он закончит свои дела. И всегда дела Коллегии были связаны с раскопками в руинах Древних.

Никогда бы не подумал, что в нашем герцогстве так много оставшихся после Древних руин. Находиться они могут где угодно: в густых лесах, в горах, в песках пустыни и посреди заросших рожью полей. Самое интересное – орудники, а именно так называют себя люди из Коллегии, никогда не прибегают к помощи землекопов, всегда справляются сами. Пусть иной раз после их раскопок и остаются высокие земляные валы или целые насыпи камней.

Что орудники искали да и сейчас продолжают искать – по-прежнему остается для меня тайной. Ведь даже если они что-то и находили, никогда не показывали и не рассказывали о своих находках. Хотя ни для кого не секрет, что Древних оставили нам в наследство много поразительных вещей. Так вот, специальным указом Его величества закреплено, что во всех руинах на территории герцогства может копаться только Коллегия.

Выглядят окудники всегда одинаково – просторный балахон серого цвета, с накинутым на голову капюшоном и перстнями чуть ли не на каждом пальце. И вот еще на что я обратил внимание: чуть ли не у каждого третьего из них на руках не хватало мизинцев.

* * *

Впервые я обнаружил отсутствие пальцев у окудников чуть ли не сразу после того, как попал на «Барракуду». Случилось так, что один из матросов, сорвавшись, упал на палубу едва ли не с самой вершины мачты. По дороге вниз он угодил на натянутый фал и только после этого уже ударился о доски палубного настила.

Мы все собрались вокруг него, переговариваясь и поглядывая на стоявших у борта окудников – об их искусстве врачевателей легенды ходят. Пусть они и не смогут его вылечить сразу, но хотя бы снимут боль, это ведь для них вообще должно быть сущим пустяком.

И действительно, один из них, получив негромкий приказ от главного, подошел к пострадавшему Матрос, молодой парень немногим старше меня, с явной надеждой смотрел на него полными боли глазами.

Окудник склонился над ним, пару раз провел ладонью перед его лицом, а затем резко ткнул пальцами, угодив куда-то за ухо. По телу парня пробежала короткая судорога, он дернулся всем телом, а затем затих. Затих навсегда.

Мы все застыли – возможно, матрос смог бы выжить, пусть и остался бы калекой. Окудник же выпрямился и вернулся к своим, так и не издав ни звука. Так вот, на обеих руках у него не хватало мизинцев.

Потом пару раз я видел, как окудники лечили кого-нибудь из команды, но именно тот случай запомнился мне навсегда.

В работе на Коллегию мне нравилось все, кроме высокомерного к нам отношения. Ну и еще иногда чуть ли не по месяцу приходилось ждать, когда они закончат свои очередные раскопки.

Обычно руины находились в самой глуши, а провести там долгое время – тягостное занятие для того, кому чуть больше двадцати, а вокруг нет ни одного женского лица.

К тому времени я уже привык к женскому вниманию, ведь нас, небесных парителей, девушки привечают гораздо больше, чем обыкновенных моряков или даже гвардейцев герцога, не говоря уже остальных. И есть за что!

Шагаешь себе по улице, слыша, как бренчит в кошельке серебро, среди которого затесалась и парочка полновесных золотых ноблей, гордо посматривая по сторонам на тех, кто никогда не видел, как красивы восходы с закатами высоко в небе. Кому в лучшем случае суждено быть лишь пассажирами, весь полет боящимися подойти близко к борту и молящими Создателя только об одном: чтобы поскорей закончился весь этот кошмар. Идешь и в полный голос со знанием дела обсуждаешь пролетающий в небе над городом корабль, с парусами, выкрашенными заходящим солнцем в бордовый или розовый цвет. Шествуешь и как будто бы не замечаешь завистливые взоры своих сверстников и быстрые, но полные живого интереса взгляды девушек и молоденьких женщин. А ты еще молод, и тебе нет нужды откладывать деньги на обеспеченную старость, ведь до нее еще так далеко.

Да и наступит ли она – это еще вопрос. Буквально вчера тебе сообщили о рухнувшем с небес на землю воздушном корабле, где у тебя полно хороших знакомых и даже один человек, которого смело можно назвать другом. Кто знает, не случится ли с тобой то же самое завтра? И потому тебе не жалко ничего для понравившейся девушки, сколько бы это «ничего» ни стоило в денежном эквиваленте. Пусть она при расставании смахивает с ресниц слезинку и тут же отводит руку, чтобы попутно полюбоваться таким красивым колечком. Или подходит к зеркалу и видит на своем отражении новые бусы, так идущие к цвету ее глаз. А как приятно уходить

в небо, все еще чувствуя на губах жар утренних прощальных поцелуев и ощущая в теле такую легкость, что взмахни руками – и взлетишь в небо, как птица...

Но разве главное это? Главное – когда стоишь на шаткой палубе корабля, движущегося навстречу восходящему солнцу, а под тобой проплывает весь мир. Сверху он кажется таким прекрасным, будто нет в нем ни слез, ни горечи расставаний и потерь и все люди вечны и счастливы. Я очень благодарен небесам за то, что в один поистине прекрасный день на песчаный пляж близ Гволсуоля опустился корабль и с его борта сошел капитан Кторн Миккейн.

И за то, что через десять лет после того, как я впервые шагнул на палубу летучего корабля, мне удалось осуществить мечту всей жизни – стать владельцем одного из небесных кораблей, пусть и такого крохотного, как «Небесный странник».

* * *

Все произошло неожиданно. Нет, мечта построить или купить собственный корабль жила в моей душе давно, едва я получил медальон навигатора, и я даже начал откладывать деньги на его покупку. С тех пор минуло почти пять лет, и чуть ли не каждый месяц я наведывался в «Доходный дом Брагта», чтобы внести очередные несколько монет для будущего осуществления своей мечты.

У этого заведения только название, что доходный дом, на самом же деле Брагт, его основатель, занимается всем, что только может принести ему очень приятные что на ощупь, что на взгляд золотые нобли. В разбросанных по всему герцогству конторах его стряпчие составляют купчие, векселя, завещания... Словом, занимаются всем тем, где с помощью чернил, пера и бумаги можно заработать неплохие деньги. Еще у Брагта в собственности множество ломбардов. Кроме всего прочего, у него можно взять заем либо пустить деньги в рост. Условия самые обычные, но именно его «Доходный дом Брагта» отличается от всех прочих своей надежностью.

Дело у меня, откровенно говоря, шло ни шатко ни валко: слишком уж много соблазнов вокруг, и несмотря на все мои старания, за этот срок удалось скопить что-то около четверти от всей необходимой мне суммы. Представляя, сколько времени уйдет на то, чтобы собрать всю сумму полностью, я иной раз впадал в уныние. Математика несложная – еще пятнадцать лет. Тут уж поневоле загрустишь.

При очередном визите в контору «Доходного дома Брагта», что находится в Дигране, столице герцогства, и состоялся один разговор, в течение которого жизнь моя круто повернулась в, очень надеюсь, лучшую для меня сторону.

Встретил меня, как обычно, клерк по имени Стив. Именно он встретил меня, когда я впервые переступил порог «Доходного Дома Брагта», и с тех пор ведет мои дела. Вернее, делишки, поскольку сумму каждый раз вносил достаточно скромную. Так что управляющего конторой господина Сорбена мне довелось увидеть всего лишь пару раз, да и то мельком, он работал с крупными клиентами. Но на это раз все произошло иначе.

– Рад видеть вас, господин Лаингрин, – поздоровался я со Стивом, рыжим долговязым парнем, сидящим за конторкой. И, дождавшись, когда он важно кивнет в ответ, продолжил: – Как дела? Дом в скором времени хозяина не поменяет? Что-то вы сегодня выглядите особенно важным...

Что я знаю о нем самом? Стив Лаингрин старше меня на несколько лет, он мечтает продвинуться по службе, а еще больше – жениться на младшей из дочерей управляющего, господина Сорбена. Откуда я решил? Да видел я пару раз Кармеллу и реакцию Стива на нее.

Вообще-то Кармелла девушка красивая, и формы у нее роскошные. Но лично для меня она одна из тех девиц, что больше волнуют тело, не душу. Получится ли что-нибудь у Стива?

Сомневаюсь, если он будет продолжать в том же духе: делать умный вид при ее появлении, и только. Девушки любят веселых парней. Особенно те, что не поставили целью всей жизни выскочить замуж за богатого. А у Кармеллы такой цели быть не может – папа в состоянии обеспечить и ее саму, и будущего мужа.

Со Стивом я всегда веду себя без особого пиетета. Тоже мне, птица! Пусть он у торговцев уважения требует, а я паритель, причем навигатор. И я же вижу, какие он взгляды мне в спину бросает. Ну да – из окна, что как раз напротив него, отлично виден кусочек неба, а иногда даже проплывающие по нему корабли.

На этот раз Стив не стал раздувать щеки, а улыбнулся мне так, как будто я принес деньги лично ему, а не «Доходному Дому Брагта».

– Господин Сорингер, рад вас видеть, – объявил он. – Ауменя для вас новость – с вами хочет поговорить сам управляющий, господин Сорбен.

– А по какому поводу? – поинтересовался я. – Что-то мне самому даже в голову не приходит.

Стив натянул на лицо самое загадочное выражение из тех, что у него имелись, и мне стало понятно, что сам он причины не знает и даже о ней не догадывается.

Господин Сорбен выглядит именно так, как и должен выглядеть человек, распоряжающийся большими суммами денег, – солидным, уверенным и дорого одетым. И кабинет у него под стать хозяину: дорогая мебель, картины на стенах и даже небольшая коллекция холодного оружия, висящая на ковре за его спиной.

Выглядит управляющий лет на сорок.

«Как раз к этому возрасту я накоплю на собственный корабль, – тяжело вздохнул про себя я. – Хотя до него еще дожить надо...»

– Присаживайтесь, господин Сорингер, – предложил мне хозяин кабинета, на миг оторвавшись от каких-то бумаг, лежавших у него на столе.

Откровенно говоря, я даже не представлял, о чем вообще может пойти речь. И уж, конечно же, не о том, что «Доходный дом Брагта» внезапно разорился и господин Сорбен решил мне высказать по этому поводу свои сожаления. Во-первых, обычно так не делается, конторы просто закрывают свои двери, никогда и никого не предупреждая, и все. Ну и во-вторых, очень сомнительно, чтобы такое предприятие, как «Доходный дом Брагта», смог обанкротиться. Тут уж небу на землю упасть необходимо, не меньше.

– Вы являетесь нашим клиентом почти пять лет, – вновь оторвался от бумаг управляющий.

– Совершенно верно, – кивнул я. – И?

– За это время вам удалось накопить... – Сорбен заглянул в одну из бумаг, – почти двести ноблей. Сто девяносто шесть, если быть точным.

Я снова склонил голову в знак подтверждения:

– И именно сегодня я принес еще четыре нобля, чтобы сумма стала круглой. Хочу еще заметить, что эта сумма – чуть ли не треть того, что мне вообще удалось заработать за последние пять лет. На кораблях Коллегии платят неплохо, лучше только в Ост-Зейндской Торговой Компании, но представляете, сколько мужества мне понадобилось для того, чтобы эти нобли отложить?

– Цель, насколько мне известно, – собрать достаточно средств, чтобы купить собственный корабль?

– Да, это так, господин Сорбен, – подтвердил я.

То, что ему известно о моей мечте, мне и в голову не пришло удивляться, об этом даже Стив знает. И иногда он даже одаривает меня своим сарказмом: «Ну что, господин Сорингер, еще какие-то пятнадцать-двадцать лет, и вы будете в состоянии воплотить свою мечту в жизнь».

Отчасти он негодяй, Стив, ведь бьет по больному месту. И мне очень хочется заявить ему, что как раз к тому времени, должно быть, их с Кармеллой Сорбен дети станут достаточно взрослыми для того, чтобы я смог их покатасть на своем новом корабле. Хотелось бы посмотреть на его лицо, но я все не решаюсь.

– Мне некоторым образом известны цены на корабли, и должен вам заметить, ждать придется еще достаточно долго, – продолжал управляющий.

– Да не просто долго, а очень долго. Даже очень-очень. Это в Гволсуоле с двумя сотнями золотых я был бы одним из самых состоятельных людей, если не самым. И корабль мне удастся купить самый большой из тех, что там имеется. Обычный корабль, плавающий по морю. А вот с небесными кораблями ситуация иная. Большую часть денег стоят именно л'хассы, а их необходимо не меньше трех даже на тот малыш, о котором я и мечтаю, трезво оценив свои возможности. Но к чему вы клоните?

– А почему бы вам не взять заем у нашего дома? Естественно, под проценты? – неожиданно спросил управляющий, посмотрев на меня с видом богатого доброго дядюшки, раздающего подарки.

Благо, что господин Сорбен не предложил мне ни вина, ни чаю, иначе бы я точно поперхнулся. Вот это да! Сам управляющий предлагает мне заем! Право, этим можно гордиться. Но есть тут одна сложность, господин Сорбен: ведь мне придется найти обеспечение либо же поручителей. Ну и где я их возьму? Нет у меня ни таких знакомых, ни тем более ценностей.

– Господин Сорбен, имеется одна сложность... – начал я, чтобы тут же быть перебитым.

– Вы о поручителях? – поинтересовался он. – Так они у вас имеются.

Удивиться еще сильнее я уже не смог. Да и куда уж больше? Но кто же эти неведомые доброжелатели? Никто на ум не приходит, абсолютно никто.

– И кто же они, господин управляющий?

В конце концов, это мое полное право – узнать о людях, поручившихся за меня.

– Они пожелали остаться неизвестными, – пожал плечами Сорбен.

«Ну-ну. Это для меня, конечно же, пожелали, не для вас. Стали бы вы иметь дело с неизвестными людьми...»

– Ну так что скажете, господин Сорингер?

– Мне нужно подумать – вот что я вам скажу. Хорошенько подумать. Такие вещи не делаются впопыхах.

– Разумное решение, – согласился со мной Сорбен. – А как надумаете, так сразу приходите ко мне. Конечно, в том случае, если вы решите воспользоваться возможностью воплотить свою мечту в жизнь значительно раньше, чем у вас складываются дела.

– О чем вы говорили, Люкануэль? – Стив не смог удержать любопытства, когда я с самым озадаченным видом проходил мимо него.

Не смог удержаться и я:

– Да сколько раз уже можно повторять господину Сорбену, что не хочу я жениться на его дочери! Может быть, вы чем-нибудь сможете мне помочь? – с надеждой посмотрел я на Стива. – Кармелла, как мне показалось, слишком уж по-особенному на вас смотрит...

«Семь лет, – размышлял я, без сна ворочаясь в каюте «Барракуды». – По всему выходит семь лет. Именно за это срок мне удастся погасить заем «Доходному Дому Брагга» полностью. Возможно, чуть позже. Если очень будет везти, то немного раньше. Но кто же они, поручившиеся за меня люди? И чего от меня желают сейчас или пожелают в будущем?»

В общем, я решил. Слишком уж большой соблазн получить корабль едва ли не сразу, а не через пятнадцать лет. В мечтах он давно уже сложился в моей голове весь, целиком, пол-

ностью, до последней веревочки и гвоздика. И даже название давно мною было придумано – «Небесный странник».

Правда, задумаешься иной раз, сколько времени за него придется еще выплачивать и какую сумму, и становится не по себе. Но не будем о грустном...

Глава 2

Сложный вопрос

Я проснулся в превосходном настроении. Точнее, это Энди разбудил меня, сообщив о том, что время вплотную приблизилось к обеду. Как же, приятно, едва очнувшись от ночных грез, лишний раз вспомнить о том, что ты находишься на плывущем по небу собственном корабле! Да и сны, все как на подбор, оказались волнительными, и в каждом из них присутствовала одна миленькая особа, кстати, присутствующая на борту «Небесного странника».

Спать я лег ближе к рассвету, сдав вахту Рианелю Брендосу. Он единственный навигатор «Небесного странника» – мы отлично справляемся вдвоем, разбив суточную вахту на четыре части, так что содержать второго навигатора смысла пока нет. По крайней мере, пока нет, а пойдут дела хорошо, тогда можно будет задуматься и над этим вопросом.

Рианель Брендос – человек примерно моего, скорее высокого, чем среднего роста, и старше меня на несколько лет. Он является обладателем небольшой, суживающейся книзу ухаженной бородки, а также серых глаз с небольшим прищуром. Что сказать о нем еще? Светловолос, опытный навигатор и, кроме того, бастард, чего он, собственно, никогда особенно и не скрывал. Ровно половина крови в его жилах принадлежит ныне правящему герцогскому роду.

Характером Рианель ровен и спокоен. Таков он и во время обеда, и тогда, когда лично мне хочется вопить и топтать ногами от гнева. Словом, Брендос хладнокровен в любой ситуации, какой бы сложной она ни была. И мне, положа руку на сердце, очень хочется на него походить. Манерами, привычками, речью да и всем остальным. Наверное, кроме растительности на лице – бороды мне никогда не нравились. Быть похожим на него пока у меня получается плохо, но, по крайней мере, я знаю к чему стремиться.

Вероятно, Брендос вполне смог бы найти место и при дворе герцога, если бы не случилась в его жизни история, в чем-то похожая на мою, после чего он навсегда заболел небом. Собственно, это все, что я могу о нем сообщить.

Ах, да, можно еще добавить вот еще что – я не надеюсь, что он задержится на «Небесном страннике» надолго, и дело не в оплате. При разговоре о найме Брендос особо подчеркнул это обстоятельство, заявив:

– Господин Сорингер, о своем намерении покинуть «Небесный странник» я постараюсь предупредить вас заранее, чтобы не поставить в затруднительную ситуацию.

Забавно, рассказывая о нем, я стараюсь даже передать манеру его речи...

Ничего сверхъестественного в истории Рианеля Брендоса нет. Порой бывает, что и благородные дворяне, скрывая свое настоящее имя и происхождение, служат матросами на небесных кораблях. Небо – оно, знаете ли, такое, ему без разницы, кто ты и что, и болезнь к нему неизлечима. Впрочем, как и страх, испытываемый перед его холодной голубизной, что бывает еще чаще.

Поднявшись на мостик, я поприветствовал Рианеля:

– Доброго дня, господин Брендос.

– Доброго дня, господин Сорингер, – немедленно откликнулся он, не забыв учтиво склонить голову, после чего добавил: – Все в порядке.

Вот так мы с ним всегда и общаемся, ничего лишнего.

За штурвалом стоял Гвенаэль Джори, или попросту Гвен, по-другому его никто и не называет, даже Рианель Брендос. Этот человек – почти точная копия Энди Ансельма. Они одного роста и сложения, он такой же резкий в движениях и тоже брונет. Даже лица их похожи, как у родных братьев, и все отличие заключается в том, что глаза у Гвена ярко-голубые, в то время как у Ансельма – черные.

Что удивительно, поговорка «никогда не верь человеку с голубыми глазами» сложена совсем не о нем. Я ни разу не слышал, чтобы Гвен обманул кого-нибудь хотя бы в мелочах. Он шутник, Гвенаэль Джори, да из таких, что еще поискать нужно. Но обманывать – нет, этого за ним не водится.

Например, узнав полное имя Николь – Софи-Дениз-Мариэль-Николь-Доминика, он с самым задумчивым видом заявил:

– Я бы предпочел, чтобы у каждого имени имелась своя владелица.

На что получил от Николь вполне достойный ответ:

– Меня и одной на тебя хватит, если попробуешь распускать руки.

Николь Соланж – единственная женщина на корабле и, должен признать, внимание к себе привлекает совсем не поэтому.

Она очень симпатичная, да и фигурка у нее просто замечательная. Нет, мне до сих пор не удалось рассмотреть фигуру во всех подробностях, но однажды, когда порыв ветра обтянул на ней ее одеяние, а оно у Николь всегда похоже на балахон окудников Коллегии, я обомлел – вот это да! Помню, я даже остолбенел на некоторое время, совершенно позабыв о том, что собирался отдать команду приспустить парус – слишком уж свежим был ветер.

Представляю выражение моего лица, потому что у самой Николь, заметившей мой взгляд, лицо порозовело так, как будто бы я увидел ее совсем без одежды. Правда, именно такой я себе ее и представлял. Разве что Николь не слишком вышла ростом – даже Гвен и Энди рядом с ней кажутся едва ли не высокими.

Я называю Николь по-разному, мне как капитану можно: и полным именем, и сокращая его до «Ники». Целиком – только когда злюсь на нее, и случилось такое пока всего один раз. Остальные зовут ее просто Николь, без всякой приставки «госпожа», но она и не настаивает. Да и рано ей госпожой-то быть, она на пять лет меня младше.

Ютиться на «Страннике» Софи-Дениз-Мариэль-Николь-Доминике Соланж пришлось чуть ли не в каморке, нет у меня лишней каюты. Единственная предназначена для сопровождающих товар купцов. Правда, каюта для навигаторов рассчитана на двоих, и занимает ее только Рианель. Хвала Создателю и Богине-Матери, что Николь даже не стала выслушивать до конца его предложение разделить каюту с ним. В противном случае не представляю, как я пережил бы ее согласие. В конце концов, я мог бы ей предложить поселиться и в моей, капитанской каюте, благо на «Небесном страннике» она самая просторная. Но сделать такое предложение у меня язык не поворачивается, хотя поговорить с девушками я и умею и люблю.

Ничего, как только дела пойдут хорошо и я стану перевозить свои собственные грузы, каюта для купцов освободится, и тогда у Николь будет просторное личное обиталище. Если, конечно, к тому времени она все еще останется на борту «Небесного странника».

Николь у нас лекарь, но при нужде и повара может заменить. А еще она казначей, и потому корабельная касса висит на ней. К сожалению, на данный момент в кассе не так чтобы очень, если не сказать наоборот, но ведь «Небесный странник» совершает свой первый рейс.

Приняв от Рианеля вахту, я взглянул на паруса, вверх, по сторонам и только потом уже вниз. Красиво, очень красиво. Столько лет в небе, казалось бы, уже и привыкнуть должен, но иногда посмотришь вокруг будто новым взглядом, и дух захватывает как в первый раз.

Плохо только одно: наверху, в небе, никогда не бывает жарко – ветер. Правда, и не так холодно, как еще выше, куда забираются только парусники Ост-Зейндской Торговой Компании. Вот где по-настоящему морозно! Но высоко в небе и ветра сильнее, так что поднимаются они туда, чтобы сократить время в пути. И все же взлететь можно только до определенной высоты, даже в том случае, если у л'хассов хватит силы поднять корабль. И дело не в холоде – наверху не хватает воздуха для дыхания. Его там так мало, что можно вообще сознание потерять. Удивительно, конечно, – казалось бы, какая разница? – но на самом деле это так. И с

собой в запас воздуха не наберешь, куда его – в мешки, в бочки? Потому корабли могут подниматься только до определенной высоты.

Так, пригляделся я к проплывающим внизу видам. По времени мы должны скоро прибыть. Вон та ленточка внизу – река Чеджа, дальше над ней пойдем. Город Чеджур, куда мы и направляемся, расположен именно на берегу Чеджы, и мимо него при всем желании пролететь не удастся.

– Род, возьми-ка правее, – обратился я к стоящему за штурвалом Родригу Брису. Он как раз сменил Гвенаэля Джори, отправившегося отдыхать.

На штурвале вообще меняются часто – все же небесные корабли отличаются от тех, что плавают по рекам и морям, пусть и названия, ткни пальцем хоть во что, практически одинаковые: те же паруса, палуба, трюм, люк, мачты, шпангоуты и многое другое. Все же они прямые наследники тех, что до сих пор плавают по воде. Но и отличий много, взять тот же кабестан.

На небесных кораблях задача у кабестана совершенно другая: не выбирать якорный канат на борт, а увеличивать или уменьшать давление на л'хассы, заставляя корабль соответственно подниматься или опускаться.

Есть на небесных кораблях и штурвал. Им тоже управляют рулем, удерживая корабль на курсе. Только сам руль другой. Расположен он за кормой, но больше всего походит на распущенный спинной плавник гигантской рыбы. Причем двойной плавник, потому что рулей два.

Небесный корабль в отличие от морского рыскает из стороны в сторону значительно чаще, и чтобы удержать его на курсе, крутить штурвалом приходится много. Потому за штурвалом вахты короткие – устают люди. По себе знаю – мне в свое время немало пришлось его покрутить.

Заступивший на штурвал Родриг Брис – малый здоровенный. Если сложить Гвена и Энди вместе, как раз он один и получится. Черная как смоль бородаща колечками – предмет его гордости и постоянной заботы – закрывает полгруды. А вот на голове волосы почти не растут, но и те, что все же умудряются вырасти, он тут же сбрасывает.

Гвен однажды высказался по этому поводу, заявив:

– Ну это же так понятно! Чего не хватает на голове – все в бороду уходит.

Помню, Родриг тогда ухмыльнулся, снял с головы завязанную на затылке узлом косынку и провел ладонью по блеснувшей на солнце лысине. А потом неожиданно схватил Гвена за плечо другой рукой, рванул на себя, перехватил поудобнее и одним движением перевернул верх ногами. Причем левая рука у него так и оставалась прижатой к голове. Таков уж он, Родриг Брис: с виду медлительный и неповоротливый, но когда надо, выражаясь словами все того же Гвена, «быстр, как зигзаг молнии, смазанный оливковым маслом».

Взгляд у Родрига правда тяжелый, что даже удивительно при его добродушном характере. Но взгляды вообще у всех разные. От моих, например, Николь частенько краснеет. Наверное, потому, что я все пытаюсь увидеть то, что она прячет под своими всегда просторными нарядами. Одного не пойму – как она вообще о них узнает, ведь я же никогда не пялюсь на нее открыто? Чувствует, что ли?

Два оставшихся человека из команды «Небесного странника» – Амбруаз Эмметт и Аделард Ламнерт.

Первый – наш повар, и повар отличнейший. Но тут удивляться нечему – и отец у него был поваром, и дед, и прадед, и так далее. Причем все они кухарили ни где-нибудь в придорожной харчевне, а во дворцах, да и самому Амбруазу приходилось.

Эмметт – самый старший из всей команды «Странника», ему уже больше сорока. Но я уважаю его даже не за поварское искусство, хотя повторяюсь – повар он отменный. Уже в зрелых годах бросить все, чтобы исполнить свою юношескую мечту и уйти в небо, – это, скажу я вам... Думаю, что он должен быть мне благодарен, ведь попасть на один из небесных кораблей в его возрасте и с его опытом трудно.

С Амбруазом тоже связана одна проделка неугомонного Гвена. Это ведь только мы Рианелем Брендосом общаемся между собой «господин Сорингер» да «господин Брендос». Остальные именуют друг друга по-иному. Родрига, например, все называют Родом, Аделарда – Лардом, а тот же Гвен – сокращенное имя Гвенаэль. Только Энди сокращать не надо, куда уж короче. Хотя и его Гвен умудряется называть Эи, заявляя, что так ему удобнее. Так вот, к Амбруазу Гвен какое-то время обращался Амбрез, и тот даже откликнулся. Откликнулся до тех пор, пока не выяснилось, что на языке кочевников-бхайров «амбрез» означает «овечий курдюк», а вовсе не «пустынный лев», как утверждал сам Гвен. После этого на лбу у Гвена некоторое время красовалась здоровенная шишка, оставшаяся после меткого удара поварским черпаком, а сам Гвенаэль с тех пор обращается к Амбруазу только «господин Эмметт». Голод – не тетка...

Аделард Ламнерт, или Лард, – наша маленькая армия на всякий случай. Он один при нужде может справиться чуть ли не с полудюжиной. Да не с какими-нибудь там бродягами-разбойниками, а с вполне серьезными и обученными воинами. От высокой широкоплечей фигуры Аделарда так и веет мощью, даже Родриг Брис ему не чета.

У Ларда, кстати, как и у Родрига, голова начисто обрита. Правда, он предпочитает прикрывать ее не косынкой, а шляпой и чуть ли не спит в ней. Причина тому – огромный рубец от удара мечом, давний, но по-прежнему выглядящий устрашающе: глубокий, синий... Даже непонятно, как Аделарду удалось выжить после такого ранения. Но самое неприятное не в том, что шрам постоянно приходится прятать от всех.

У Аделарда из-за ранения иногда бывают дикие приступы головной боли, причем наступают они его всегда внезапно. В такие минуты бедняга падает на колени, утыкается в них головой и, мыча, раскачивается из стороны в сторону. Именно в таком состоянии я застал Аделарда в Месанте – прибрежном городке, славящимся далеко за пределами герцогства верфями, где строятся небесные корабли. В Месанте, кстати, мне «Небесный странник» и построили.

Я тогда проходил центральной улицей города, спеша как раз на верфь, когда и увидел Аделарда, стоявшего на коленях. Пройти мимо мне показалось неудобным, и я поинтересовался у него, могу ли чем-нибудь помочь?

У Ларда после очередного приступа, который заканчивается так же внезапно, как и начинается, всегда на какое-то время наступает такая слабость, что он становится беспомощным, точно ребенок. При нашей встрече приступ как раз закончился, и мне пришлось под руки отвести его в ближайшую корчму, где он и приходил в себя. Так мы и познакомились.

Когда во время очередного приступа, произошедшего уже на борту «Небесного странника», Николь предложила Ламнерту свою помощь, тот лишь слабо махнул рукой, промывчав сквозь зубы что-то невразумительное. И каково же было удивление и его самого, и всех остальных, наблюдавших за ними, когда Николь на удивление легко удавалось избавить здоровяка от очередного приступа. Она просто склонилась над ним и некоторое время гладила по голове, как глядят матери своих детей, успокаивая их боль от разбитой коленки. С тех пор Аделард относился к Николь чуть ли не с нежностью. Не с той, что испытывают к любимым женщинам, нет, так, как относятся к дочерям. Да и разница в возрасте у них чуть ли не в пятнадцать лет.

Вот такие собрались у меня на «Небесном страннике» люди, и пусть это первый наш рейс, а знаю я их всего ничего, у меня нет никаких оснований для того, чтобы когда-нибудь придется разочаровываться хотя бы в одном из членов моей команды.

* * *

В приближающемся к нам Чеджуре мне бывать уже приходилось, хотя и давненько – по моему, еще в первый год моей службы на «Орегано». Тогда я, бывало, часами с мачты не слезал и все не мог налюбоваться – таким чудесным и удивительным мне казался открывшийся передо

мною новый мир. В полете на мачте не засидишься – холодно, ветром насквозь продувает, а вот перед подходом к месту посадки, когда и высота небольшая, и скорость, я, если не был занят, всегда оказывался именно на ней...

Кстати, с мачты «Небесного странника» спускался Энди.

Так, а вот это, по-моему, уже лишнее: перед тем как прыгнуть на палубу, он сделал вид, что заглянул за ворот стоявшей неподалеку Николь. Понятно, с какой целью. Как понятно и то, что увидеть абсолютно ничего не удастся: у нее вся одежда под самое горло.

Николь все же отреагировала, прикрывшись сразу двумя ладонями, и что-то ему сказала. С мостика не слышно, что они говорят, но вряд ли новое – Николь в очередной раз пригрозила, что наложит на шутника наговор. Что-то вроде: «Девушки будут в упор тебя не замечать, хоть осыпь их золотыми ноблями с ног до головы. Нобли твои будут видеть, а тебя самого – нет».

Энди на ее угрозы обычно отвечает: «Нет в мире такого наговора, что сможет убить ко мне жгучий интерес девушек. Нет, и никогда не будет», причем начнет смотреть на Николь так, как будто и она сама вот-вот почувствует к нему тот самый жгучий интерес. Доиграется когда-нибудь, дурень. Подозреваю, что Николь и на самом деле может ему устроить нечто подобное.

Так вот, Чеджур при первом знакомстве мне ничем не запомнился и ничем не удивил. Небольшой, затерянный в Джурских лесах город: несколько улиц и единственный храм на единственной площади. Опасаюсь, что найти здесь новый контракт на перевозку груза будет затруднительно.

«Ничего, – подбодрил сам себя я. – Не повезет в Чеджуре, так в двух днях лета на север-восток расположен Орегано. Город, давший название кораблю, на коем мне посчастливилось впервые подняться в небо. Орегано – не Чеджур, он большой, и в нем мы точно без работы не останемся».

Поля, предназначенные для посадки летучих кораблей, всегда находятся на окраинах городов, при каждом имеются склады для купеческих товаров и обязательная таверна, куда же без нее.

Как и в любой другой, в ней можно отведать все что угодно: от запеченного поросенка до сладкого итайского рома, не говоря уже о вине и пиве. Или договор с торговцем на перевозку груза заключить. А и при желании встретиться с теми девицами, на которых при виде золотых ноблей наговор Николь вряд ли подействует, каким бы сильным он ни был. В общем, все, как и в тавернах морских портов. Они даже внешне похожи как сестры.

– Господин Сорингер, обратите внимание, – отвлек меня от течения гладких мыслей голос навигатора Рианеля Брендоса, указывающего подбородком в сторону, противоположную той, куда смотрел я.

И действительно, на дальнем краю поля стоял трехмачтовик Ост-Зейндской Торговой Компани. Зрелище для небольших городков вроде Чеджура довольно непривычное – обычно интересы Компании на такие места не распространяются.

Ну что ж, еще один повод навестить местную таверну. Возможно, есть что-то такое, от чего и мне удастся отщипнуть свой кусочек пирога?

– Спасибо, господин Брендос. Я действительно не заметил, – откликнулся я. Нет, как все же хорошо, что не в моей крови ни толики благородной крови – от всех этих церемоний во рту кисло становится. Тем не менее тон мой остался прежним: – Быть может, господин Брендос, возьмете на себя управление кораблем во время посадки?

Голова Рианеля склонилась в легком поклоне:

– Благодарю за доверие, господин капитан, – причем без всякой иронии, спокойным холодным тоном.

Кея Ильберта, первого торговца, воспользовавшегося услугами «Небесного странника», на земле ждали. К кораблю подъехала отрытая карета, и, глядя на то, как обращаются к купцу встречающие его люди, я сделал вывод – рука у этого торговца далеко не средняя.

Ильберт не стал дожидаться, когда с борта «Небесного странника» выгрузят его товар, лишь дал несколько распоряжений встретившим его людям, после чего подошел ко мне. Что ж, пора и рассчитаться.

В принципе, первый наш клиент должен остаться доволен: в Чеджур мы прибыли раньше срока, а полет оказался спокойным, безо всякой болтанки, что бывает довольно редко. К тому же «Небесном страннике» замечательный повар, а Николь сумела избавить Ильберта от мигрени и даже вручила ему с собой какие-то корешки, подробно разъяснив, как их заваривать и когда пить.

Впрочем, пассажиры попадают всякие, уж я-то на них насмотрелся. Бывают и такие, что за все время путешествия по небу и носа из каюты не высунут, высоты боятся. Выползают только после приземления, с зелеными страдальческими лицами, стена и охая – каково им пришлось! Как будто бы их кто-то насильно на борт небесных кораблей загонял. Действительно, случается болтанка, а куда от нее деться? Так ее и на море хватает, разве что в небесах она более муторная. Но ведь и преимущество налицо: дорога быстрее и безопаснее – внутри герцогства пираты в небе редкость, а по затратам – даже экономнее.

Господин Ильберт оказался не из тех, что не переносят небо. И хотя из каюты он показывался всего дважды, но подойти к борту и полюбоваться видами не забоялся. Все остальное время купец корпел над толстенными бухгалтерскими книгами – о чем поведал Амбруаз, относивший ему в каюту обед.

Отсчитав из кошелья оговоренную сумму, наниматель высыпал весело звякнувшие монетки уже в другой кошель и протянул его мне.

– Благодарю вас, господин Ильберт, – наклонил голову я. – Надеюсь, полет на «Небесном страннике» полностью вас устроил и при случае вы снова воспользуетесь его услугами.

Наш первый клиент посмотрел на меня так, как будто пытался запомнить мое лицо, но в ответ я услышал всего лишь:

– Непременно, господин Сорингер, – после чего купец неспешно направился к поджидавшей его карете.

«Так, ни к чему не обязывающая вежливость, – расстроился я. – Но, по крайней мере, хотя бы мое имя запомнил. И все же пару слов благодарности я бы рад от него услышать. Но даже в таком случае пусть всегда сопутствует удача во всех твоих делах, господин Ильберт, ведь ты – первый!»

Я протянул кошель Николь, ведь именно она наш казначей. Если вдуматься, решение назначить девушку на эту должность со всех сторон правильное – я иногда могу позволить себе такие траты, о которых потом долго сожалею.

– Род, открывай! – подал я знак Родригу, который исполнял на «Небесном страннике» еще и обязанности боцмана.

Часть правого борта корабля начала медленно опускаться на землю, обнажая внутренности трюма. Возможность загружать и разгружать имеется и сверху – на палубе предусмотрен грузовой люк, но он так, больше на всякий случай, с земли удобнее.

Поручив Родригу присматривать за разгрузкой, я решил незамедлительно навеститься в таверну. Вдруг повезет и сразу найдется торговец, готовый нанять мой корабль? Уже подходя ведущему на землю трапу, услышал за спиной:

– Люк!

Нет, какой же приятный у Николь голос! А как представляю его шепчущим мне на ухо что-нибудь не очень приличное и саму Николь с раскиданной по моей подушке копной волос... Дрожь по телу, честное слово.

«Что-то много у меня мыслей о женщинах, – пришел к выводу я. – А не навестить ли мне сегодня вечером, если не сложится с грузом, славный городишко Чеджур?»

– Люк! – вновь окликнула меня Николь. – Посмотри!

Обернувшись, я увидел, что девушка показывает мне новенький, испускающий солнечные зайчики золотой нобль. Одним из зайчиков она умудрилось случайно попасть мне в глаз. А может, и не случайно. Но в любом случае, Николь показывает монету не потому, что она такая новенькая и блестящая. Просто эта монета – выраженная не словами благодарность Ильберта.

Возникший будто из ниоткуда Энди тут же выложил свою версию ее происхождения.

– Это признательность господина Ильберта за мою помощь, – в общем-то, обоснованно поведал он. Во время появления Ильберта на палубе «Небесного странника» корабль резко качнуло, и купец непременно бы упал, если бы Энди, находившийся рядом, не успел его подхватить.

– Не веришь – догони и проси, – продолжил Ансельм. – Но если ты хочешь оставить нобль себе, что ж, я не против.

При этом Энди так масляно посмотрел на девушку, пригладив несуществующие усы, что всем сразу стало понятно, в каком именно случае Николь может оставить себе монету. Та фыркнула и потрепала его по щеке, отчего Энди ожидаемо закатил глаза якобы от восторга:

– Иди уж, Эи. Слишком ты меня низко ценишь. – И вероятно для того, чтобы прекратить все дальнейшие поползновения Энди, она добавила: – Тебе таких денег за всю жизнь не заработать.

По лицу Ансельма пробежала тень от лихорадочной работы мысли – как ему с достоинством вывернуться из ситуации, чтобы не потерять лицо перед членами команды. Но пока он соображал, Николь уже исчезла в капитанской каюте, где и хранилась корабельная касса.

В таверне удача мне не улыбнулась. Единственное, что удалось узнать – корабль Компании находится в Чеджуре на мелком ремонте. Чтобы хоть как-то поднять себе настроение, я с удовольствием осушил кубок местного меда, славящегося далеко за пределами Чеджура, после чего направился на «Небесный странник», окончательно убедив себя в мысли отправиться завтра с рассветом в Орегано.

Разгрузка давно закончилась, но люк в борту «Странника» по-прежнему оставался открытым. И правильно, погода жаркая, пусть трюм проветривается.

Дежуривший возле люка Аделард, усевшись на траву, что-то вырезал из куска деревяшки. Должен заметить, что всяческого рода поделки получаются у него замечательно – и фигурки зверей и птиц, и даже цепочки.

«Каютка Николь скоро будет завалена ими полностью», – посочувствовал я ей, проходя мимо.

На палубу корабля я попал через трюм, поднявшись по трапу. Хотел сразу пройти к себе в каюту, но задержался, прислушиваясь к очередному разговору Энди с Николь. Девушка разложила для просушки какие-то корешки, и вот один из них Энди и взял в руки.

– Корень мандрагоры, – с полным знанием дела уверенно заявил он.

У меня, помимо желания, лицо растянуло улыбкой – тоже мне травник!

Даже мне, далекому от всего, что связано с травами, известно – корень мандрагоры похож на человеческую фигуру. А тут и отдаленного сходства не наблюдается. Больше всего корень походил на пучок сросшейся мелкой морковки, если бы не его почти синий цвет.

А Энди меж тем с уверенным видом знатока продолжил:

– Мандрагора лучше всего растет под виселицами, и знаешь, почему? – обратился он к Николь, внимательно перебирающей какие-то листики.

Эту байку все знают, только вранье все это. И если Энди думает смутить девушку такими подробностями, то зря. Она только на вид хрупкая, а на самом деле прекрасно может себя защитить, в том числе и от шуток всяких считающих себя неотразимыми остряков.

– Ну и почему же? – спросила Софи-Дениз-Мариэль-Николь-Доминика Соланж, не отрываясь от своего занятия.

– Потому что лучше всего мандрагора растет на мужском семени, а под виселицами его всегда много, вот!

Энди раскрыл рот, чтобы объяснить, почему его там много, но Николь успела опередить:

– После тебя получился бы неплохой урожай. – Она даже взгляда от травы не оторвала. – Попросить что ли, Люка, чтобы он тебя повесил?

Если Энди и испытал разочарование, то виду не подал. Он уж было открыл рот, чтобы сказать что-то еще, когда я решил себя обнаружить. Вернее, под моей ногой скрипнула доска, и мне пришлось сделать вид, что я только что пришел. Энди с опаской посмотрел на Николь – вдруг пожалуется? Вообще-то, если девушка и на самом деле это сделает, я найду, как его наказать. Вешать, конечно же, не буду, разве что за ноги, но что-нибудь придумаю обязательно. Энди, убедившись, что Николь жаловаться не станет, обратил свой интерес уже на меня:

– Ну, капитан, когда отчаливаем из Чеджура?

– Завтра с утра. Вечером думаю сходить в город. Составишь мне компанию?

Одновременно я поглядывал на Николь – вдруг и она проявит к моим словам интерес? Конечно, в этом случае мои планы на вечер очень изменятся, но даже просто прогуляться с Николь по городу под ручку несколько не хуже тех развлечений, на которые я рассчитывал в Чеджуре. Увы, она не обратила на мои слова никакого внимания.

* * *

В город мы отправились уже под вечер. Навигатор Рианель от моего предложения вежливо отказался, Лард не пьет ничего крепче пива, Родриг сослался на срочную работу, так что нас оказалось всего трое – Гвен, Энди и я.

Я отверг предложение извозчика довести нас до центра Чеджура – хотелось прогуляться пешком. Ногами и без того приходится ходить мало – на палубе «Небесного странника» особо не разгуляешься. Ну а если случится так, что нас завалят заказами, на что я очень рассчитывал, то гулять по земле вообще станет некогда.

По пути в центральную часть Чеджура шедшие сзади Энди и Гвен разговаривали о Коллегии. Всю дорогу до лучшей корчмы городка, так и называющейся – «Гордость Чеджура», Энди пытался убедить Гвена в том, что он сам отказался от предложения стать ее частью. Гвен над ним надсмехался, называя Эи, и утверждал, что из Энди получился бы неплохой окудник – они, мол, все врать горазды о своем небывалом могуществе, так что он среди них не затерялся. Я же раздумывал над тем, действительно ли взгляд той миленькой молочницы, повстречавшейся нам еще на самой окраине Чеджура, был призывным, или сейчас все женские взгляды мне будут казаться именно такими?

Как я уже упоминал, Чеджур – городок небольшой, и храм Создателя и Богини-Матери в нем единый. Находится он рядом с городской ратушей, а, как раз напротив, через площадь, и расположена корчма «Гордость Чеджура».

Войдя в корчму, Энди скептически скривился: мол, тоже мне, нашли чем гордиться, бывают заведения и пошкарнее. Но вслух благоразумно произносить ничего не стал: общий зал оказался почти заполнен, а присутствующий в нем народ – навеселе, хотя и в разной степени.

И чего, спрашивается, кривиться? Чистенько, и запах вполне себе аппетитный. В конце концов, мы наведались сюда не для того, чтобы отведать немислимых яств. Когда Амбруаз в

хорошем настроении, готовит он так, что язык проглотить. А когда в неважном, что с ним случается крайне редко, – просто очень вкусно.

Мы заняли стол, рассчитанный минимум на шестерых человек. За ним, наверное, вся команда «Небесного странника» поместилась бы. И не потому, что других свободных не оказалось, – просто в «Гордости Чеджура» не оказалось маленьких столов.

– Так, а что у нас тут насчет женщин? – огляделся по сторонам я.

Чеджур ведь не только своими медами славится, благо Джурские леса рядом, а в них раздолье для бортников. Вон они, кстати, бортники, за такой же стол, как и у нас, ввосьмером умудрились усесться. Так вот, помимо медов Чеджур еще свободными нравами похвастать может. До сих пор помню рассказы матросов с «Орегано», хотя и давно это было. Теперь-то я понимаю, что они через слово ввали, но тогда слушал с раскрытым ртом – вот она, взрослая жизнь!

В нашем герцогстве вообще нравы не такие строгие, как, например, в соседнем с ним Эгастере. Казалось бы, всего-то пролив Срединного моря их и разделяет, а там все по-другому. Рассказывают, за один неосторожный взгляд на эгастерку можно такими неприятностями обзавестись! Но, по крайней мере, наши женщины в мужской одежде не ходят, как у них зачастую принято.

Вообще-то мне не хотелось провести ночь с одной из тех, для кого ублажить мужчин – работа, не до такой уж степени мои мысли женщинами заняты. Я еще раз прошелся взглядом по наполненному гулом голосов залу корчмы и даже вздохнул от сожаления – вряд ли мне сегодня вечером повезет. Все женщины либо не в моем вкусе, либо со своими мужчинами, либо, судя по их равнодушным взглядам, не в их вкусе я. Удивительно, но такое тоже бывает.

В общем, не повезло так не повезло – взгляда остановить не на ком. Разве что служанка, принесшая за наш стол переполненный поднос со всякой всячиной и главное – очередной длинногорлый кувшин с местным медом. Вот с ней-то точно у меня дело бы выгорело, одного взгляда хватило, чтобы понять – опыт есть. Но почему-то я в последнее время всех женщин с Николь сравниваю, и почему-то сравнение всегда не в их пользу. Ладно, посидим, подумаем, время еще есть.

Я в очередной раз отхлебнул из наполненной медовой пенистой брагой деревянной кружки и прислушался – о чем это там Энди рассказывает Гвену?

– ...и тогда она сказала, что нам пора расстаться. Представляешь, Гвен, так и сказала! Мне сказала. А я ведь был готов ради нее на земле остаться, навсегда.

Судя по его заплетающемуся языку, Энди уже успел набраться. Быстро же у него получилось! Никогда раньше я за ним такого не замечал. И всего-то второй кувшинчик начали...

– И что было дальше? – вполне сочувственно поинтересовался Гвен.

«Хороший все-таки Гвен человек, – подумал я. – Знает, когда можно пошутить, а когда его шутки совершенно неуместны».

– А ничего. Больше я ее никогда не видел. Правда, встретил один раз земляка, и тот рассказывал: замуж она вышла за сына мельника, детишек у них трое уже тогда было, а сейчас и не знаю, сколько... – Энди вздохнул, надолго приложился к кружке, вытер ладонью рот и продолжил: – Но понимаешь, какая штука, Гвен. Встреть я ее сейчас, и скажи она мне – останься, и я останусь. И детей ее своими считать буду. И-э-эх! – протянул он, решительно осушив кружку до дна.

Нам только и осталось что его поддержать.

– А скажи, капитан, – обратился Энди уже ко мне, – вот если бы ты встретил такую женщину, о которой мечтал всю жизнь, смог бы ты ради нее бросить все?

Глаза Энди смотрели на меня требовательно. Сейчас, на земле, мы почти равны. Равны до того момента, когда корабль не взмлет в небеса. На корабле я капитан, и любое мое слово закон, и там уже не будет дела до того, что я знаю Энди ровно столько, сколько моя жизнь

связана с небом. Что однажды он спас мне жизнь и что, если бы не он, не сидеть мне здесь, в корчме Чеджура. Энди тоже все понимает отлично, и ему в голову не придет сказать что-нибудь подобное там, на палубе «Небесного странника». Но это на палубе, а сейчас мне необходимо ответить.

Плюнуть на все, чтобы остаться рядом с любимой женщиной? Небо, мечты и все остальное? Конечно, все в этой жизни имеет свою цену, и если передо мной станет выбор... Умеет же он задавать вопросы, на которые очень сложно ответить, а отвечать надо!

– Не знаю, Энди. Честное слово не знаю. Наверное, у меня просто не было такой ситуации, и потому я не знаю. Знаю одно: мне очень не хочется в нее попадать.

За соседним столом раздался игривый женский смех, славный такой, от него даже мурашки по спине пробежали. Обернувшись, я обнаружил, что обладательница славного смеха и сама выглядит замечательно. Роскошная грива темных волос, перехваченная на лбу тонким золотым обручем с синим, искрящимся камешком. Огромные глаза, черные и многообещающие. И глубокий вырез, где от смеха колыхалось то, за что так и хочется взяться, чтобы почувствовать приятную упругость.

Но не мне этот смех предназначен, да и пялиться на красотку долго нельзя, потому что рядом с нею и двумя ее подругами сидят мужчины. Я бы и сам не потерпел, если бы женщину, находящуюся в компании со мной, кто-нибудь долго и с вождением рассматривал.

– Ну ладно, парни, – заявил я. – Еще кувшинчик, и пора нам на борт «Небесного странника». Наверное, не в самый удачный день мы заглянули в «Гордость Чеджура», так чего здесь задерживаться, ведь завтра с рассветом нам предстоит отправиться в Орегано.

Глава 3

Пассажиры

Мы совсем уж собрались уходить из корчмы, когда в нее вошли новые посетители. Четыре человека в дорожной одежде, и среди них дама. Не девушка, не молодая женщина, а именно дама, по-другому ее не назовешь.

Высокая, стройная, в синем, с золотистой отделкой платье и шляпке с небольшой полями, настолько маленькой, что, казалось, она удерживается на голове только чудом. Лицо можно смело назвать красивым, если бы не его выражение – холодное, как маска.

Остановившись у самого входа, дама обвела взглядом зал, одновременно стягивая длинные, почти по локоть перчатки, блеснув камнями на нескольких перстнях. Платье обтягивало ее стройную фигуру так плотно, что сразу напрашивалось сравнение со второй кожей. Но будь она полностью прикрыта плащом, узнать о ее благородном происхождении легко можно было бы и по ее поведению. Манера высоко держать голову, небрежные жесты рук, и самое главное – взгляд. Такой взгляд не может себе позволить дочь или жена даже очень богатого купца или чиновника. Именно им она и обвела зал, позволив себе едва уловимую презрительную гримаску.

В корчме к тому времени оставался единственный свободный стол. Ну и второй сейчас должен освободиться, поскольку мы имели твердое намерение ее покинуть, а к нам за весь вечер никто так и не подсел.

К новым посетителям кинулся хозяин корчмы, кланяясь еще на подходе. А в самой зале воцарилась почти полная тишина, поскольку внимание всех было приковано к вновь прибывшим. Лишь женщины перешептывались, оценивая наряд и внешность той, что одна затмила их всех сразу. Ну а мужчины... мужчины делали то, что они всегда и делают, когда их обводит взглядом такая красotka: спешно натягивали на лица мужественное выражение, разглаживали усы, расправляли плечи или попытались как бы невзначай продемонстрировать свой достаток перстнем, золотой цепью или тканью, пошедшей на пошив наряда. Только совсем уж пожилые или плюнувшие на себя быстро переключили внимание на стоявшие перед ними емкости с пивом, вином или ромом.

Три спутника дамы – в двух из них угадывались опытные воины, ставлю золотой нобль против медной клипы, – телохранители, – быстро передвинули уже накрытый парадной скатертью стол чуть в сторону. Дама, все еще сохраняя на своем лице полупрезрительную гримасу, заняла место во главе стола, так что за ее спиной оказался простенок между двумя окнами. Тот, что выглядел старше остальных, присел рядом, а двое других уселись по разные стороны стола друг напротив друга.

«Ну и ладно, – решил я. – Полюбовался таинственной красавицей, можно и возвращаться. Перед сном немного помечтать о том, как нам с ней было бы хорошо вдвоем в одной постели и спать, завтра вставать рано».

Вернулся Гвен, на время покинувший корчму для того, что время от времени необходимо каждому, в том случае, если живот полон жидкости. Удивительно, но даже за столь короткую отлучку он успел набраться интересных новостей. Правда, начал разговор не он, а Энди, заявивший:

– Эх, была в моей жизни парочка красавиц и похлеще! Вот помню...

Дальше он продолжать не стал. Видимо, на этот раз ему не хватило фантазии или духу, да и голос у него не показался мне убедительным. И правильно, сложно представить такую красавицу рядом с ним. И не потому, что он уродлив, нет – слишком уж разного полета птицы Энди и дама в шляпке.

Хотя пойми их, благородных леди. Иной раз, оказавшись там, где их никто не сможет признать, начинают такое вытворять!.. Ни за что бы не поверил, если бы не рассказы тех людей, чьим словам можно доверять безоголосно.

Гвен довольно скептически взглянул на Энди, но, тем не менее, не стал пользоваться возможностью лишней раз позубоскалить над дружкой, или пожалев его, или же спеша поделиться услышанной новостью.

– Интересные дела творятся в Чеджуре, – начал он. – Оказывается, недалеко от него нашли золото, причем много.

Так вот оно в чем дело! Теперь становится понятным, кто эти люди за столом напротив, поначалу принятые мною за бортников. То-то все они как на подбор выглядят не собирателями меда, а бывшими разбойниками с большей дороги, внезапно решившими встать на праведный путь. Бортники – народ особый, постоянная близость с пчелами накладывает на них свой отпечаток.

Теперь, после слов Гвенаэля, могу себе представить, что в скором времени будет твориться в Чеджуре.

Слухи распространяются быстро, и сюда потянется народ в надежде разбогатеть в одночасье. Кому-то действительно повезет. Только народ-то разный сюда придет, да и золото такой металл, что кровь к себе притягивает. И сколько их будет, тех, кто в погоне за счастьем найдет себе здесь вечный покой, – одному Создателю известно. А вообще-то нужно будет хорошенько над этим подумать и получше разузнать, что к чему. Может быть, вот он, мой шанс? Ведь если заключить с кем-нибудь нужным контракт, то дело в шляпе – знай вози себе в Чеджур всякие товары, а отсюда – золото. Опасно, конечно, да и муторно одной и той же дорогой годами. С другой стороны, голову ломать не придется, что делать завтра, через месяц, через полгода или даже несколько лет.

– Гляди, капитан, она на тебя пялится! – оторвал меня от внутренних рассуждений голос основательно набравшегося Энди.

И действительно, дама смотрела в нашу сторону. Рядом с ней, по левую руку, за столом сидел новый человек, что-то ей рассказывающий, и он тоже глядел на нас.

Вообще-то я мужчина привлекательный и женщины своим вниманием никогда меня не обделяли. Но что-то очень сомневаюсь, что моя почти потрясающая внешность заставила ее заинтересоваться: кто же он, вон тот мужчина, ведь один только взгляд на него заставляет мое сердце биться часто-часто? Скорее уж ей необходим мой корабль. Но откуда она узнала о самом корабле и о том, что я его хозяин, остается только догадываться.

– Передать леди от тебя привет? – поинтересовался я у Энди.

Ансельм сосредоточенно наполнял из кувшина кружки и потому не мог видеть, что один из находящихся за столом дамы людей поднялся и пошел по направлению к нам.

– Привет и слова самого искреннего восхищения ее красотой, капитан! И еще скажите леди, что сегодня Энди весь вечер будет очень занят и не сможет сказать ей сам, – вместо него ответил Гвен, внимательно наблюдающий за тем, как наш приятель пытается не пролить пенящуюся жидкость мимо кружек.

Энди старательно прищуривал один глаз, пытаясь придать взгляду резкость, но, тем не менее, вероятность промахнуться существовала – руки подчинялись ему с большой неохотой.

– Господин Сорингер? – склонился в полупоклоне подошедший к столу человек, на что мне пришлось кивнуть. – С вами желает встретиться дама, сидящая за столом на противоположном конце зала. Вероятно, вы успели уже обратить на нее внимание.

Как же, не обратишь на нее внимание! Энди от неожиданно раздавшегося вблизи него голоса все же налил брагу мимо кружки, едва не выронив кувшин из рук. Благо что в том момент я уже вставал из-за стола и на мою одежду ничего не попало. Но Гвену досталось за двоих, и он вскочил на ноги в два раз быстрее меня.

– Встретиться желают только с господином Сорингером, – поспешно добавил посланец, вероятно, принявший действия Гвена за его готовность ко мне присоединиться.

В ответ тот склонился в поклоне, на самом деле пытаясь стряхнуть со штанов медовую брагу, на что человек, принесший мне весть, немедленно ответил ему поклоном. Со стороны все выглядело довольно забавно, и к пригласившей меня за свой стол таинственно-прекрасной незнакомке я шел, борясь с улыбкой, которую так и не сумел до конца спрятать, представляясь:

– Люкануэль Сорингер, леди.

– Эйленора, – ответно представилась она, – и одного имени будет вполне достаточно. Присаживайтесь, господин Сорингер, я хочу задать вам несколько вопросов.

«Конечно, одного имени вполне достаточно. Более того, я даже успел придумать, что бы я шепнул, все еще бурно дышащей, в ваше милое розовое ушко, украшенное красивой сережкой с весьма нескромным бриллиантом, Эйли. Но судя по вашему равнодушно-холодному взгляду, вряд ли наше знакомство сможет продолжиться таким образом. Увы и ах...»

– Вина, пива? Быть может, что-нибудь покрепче? – поинтересовался пригласивший меня за стол человек.

Вряд ли он является ее мужем, любовником, или еще кем-нибудь в том же роде, что, впрочем, мои шансы нисколько не увеличивает. За сорок, то есть раза в два ее старше, небольшая, аккуратно подстриженная русая бородка, светлые глаза, тонкий шрам на правой щеке. Нет, он точно не может быть близким ей человеком, и дело даже не в возрасте – разница в годах случается и больше. Взгляд у него на Эйленору не тот, и одного его достаточно, чтобы понять: этот господин занимает рядом с ней пусть и не место слуги, но все их отношения заканчиваются на пороге ее спальни. Хотя вполне вероятно, что он совсем не прочь этот порог перешагнуть. С другой стороны, хотел бы я увидеть того человека, который был бы против. Но остается только повториться – все это для меня лично не меняет ничего.

– Благодарю вас, господин... – мне хотелось, чтобы мой голос звучал как у Рианеля Брендоса, с похожими интонациями и всем остальным прочим.

– Торп, зовите меня Торпом. Так нам обоим будет удобно, – все с той же учтивостью в голосе представился мой собеседник. – И все же, может быть... – и он приглашающим жестом показал на стол, должен признать, весьма заставленный.

Ну, Торп так Торп. Мне в любом случае будет удобно, назови ты себя любым именем или вовсе обойдись без него.

– Благодарю вас, но мне на сегодня хватит. Вообще-то я собирался уйти и, если бы не ваше приглашение, был бы уже на пути к «Небесному страннику». Ведь именно он вас интересуется?

Глядя на их реакцию, я разочарованно вздохнул про себя. Надо же, человек, представившийся мне Торпом, не взглянул на Эйленору многозначительно: меня он не разочаровывает. Да и во взгляде самой Эйленоры нельзя прочесть: надо же, помимо того, что он редкостно недурен собой, так еще и весьма неглуп. В общем, Торп только кивнул, подтверждая мою догадку:

– Да, это действительно так. Причем «Небесный странник» – единственный корабль, которым мы сейчас можем воспользоваться.

Слово «корабль» Торп выделил интонацией, не то чтобы презрительной, но ясно давая понять, что от «Странника» он не в восторге.

«Знаешь что, Торп, это кому как. Я, например, люблю свой корабль, да и всем остальным, кто входит в его команду, он нравится. Так что давайте сразу к делу».

– Готов выслушать ваше предложение, – тоже кивнул я. На большее меня не хватило – мой корабль ему, видите ли, не понравился!

– Нам необходимо попасть в Груминер, находящийся у Келинейских гор. Вы слышали о таком местечке?

Слышал лия о Груминере? Конечно, слышал, и мне даже приходилось в нем побывать. На «Барракуде», если мне не изменяет память, а такое со мной случается чрезвычайно редко. Груминер – город небольшой, но Чеджур в сравнении с ним явно проигрывает. Хотя бы потому, что в Груминере мне удалось познакомиться с одной миленькой особой, причем очень близко познакомиться, и я с удовольствием вспоминаю о ней всякий раз, когда разговор заходит об этом месте. Надеюсь, и у нее от меня остались самые приятные воспоминания, связанные не только с золотым кольцом с изумрудом. Но к делу это не относится.

Грумимер расположен на востоке от Чеджура в пяти-шести днях полета, и лететь к нему лучше не по прямой, а сначала взять курс на юго-восток, после чего над Дигранесом, городом, расположенным в месте падения реки Ая в озеро Дигран, повернуть уже на северо-восток и лететь над руслом этой реки вверх по течению. Из-за такого маневра много времени мы не потеряем, но нам не придется пересекать Заивейскую плешь.

Заивейская плешь – не самое приятное место: сплошь голая земля безо всякой растительности, сверху действительно выглядящая как плешь на голове человека. Там и Желтый туман можно встретить, и вообще всякие странности о ней рассказывают. Так что лучше всего обойти ее стороной. Но и с севера плешь огибать не стоит – в это время ветра там не попутные, времени еще больше потеряешь. Впрочем, все это пригодится нам в том случае, если я дам согласие, до чего еще далеко.

– Да. И сам Груминер, и путь в него мне знакомы, – ответил я.

– Ну вот и отлично, – явно обрадовался Торп.

«Знаете ли, уважаемый Торп, ничего отличного я пока еще не вижу».

– Что же касается оплаты... Десять ноблей вас устроит? Кроме того, если наш путь уложится в пять дней, наградой будет еще пара золотых.

Устроит ли меня десять ноблей? Вообще-то, если бы разговор происходил с купцом, я мог надеяться только на восемь, и только в том случае, если хорошенько поторговался бы. Десять (а при удаче и двенадцать) золотых ноблей звучит для меня более чем убедительно, чего уж там.

И все же на всякий случай я поинтересовался:

– Десять ноблей, принятых в обращение на территории герцогства?

Вопрос не так глуп, как кажется на первый взгляд. В Эгастере, например, нобли бывают и серебряными. Хотя чего с них взять, с эгастерцев! У них женщины иной раз в мужских штанах щеголяют, так стоит ли удивляться всему остальному?

– Да, – коротко заверил меня Торп, и я задал следующий вопрос:

– На сколько пассажиров «Небесный странник» должен рассчитывать?

За столом их четверо, но мало ли, вдруг в «Гордости Чеджура» только часть предполагаемых пассажиров? Вдруг за дверьми корчмы топчется еще десяток-другой людей, нетерпеливо переминающихся с ноги на ногу и постоянно спрашивающих друг друга: «Ну когда же мы, наконец, окажемся на борту?»

Не рассчитан «Небесный странник» на такое количество пассажиров, где их всех размещать? Да и сожрут они за время пути столько, что оплата уже не будет выглядеть такой привлекательной.

Мне снова ответил Торп:

– Четверо. Всех своих будущих пассажиров вы видите перед собой.

Для четверых место найдется. Леди Эйленора займет каюту, предназначенную для купцов, сам Торп будет путешествовать в обществе Рианеля, ведь, как я уже упоминал, каюта у навигатора двухместная. Ну а этих двоих широкоплечих, с бычьими шеями охранников разместим вместе с остальной командой, гамаков хватит. Жаль только, что при любом раскладе

Николь не окажется в капитанской каюте. Кровать у меня широкая, так что места нам обоим хватило бы с лихвой...

– В таком случае, буду рад видеть вас завтра с утра на борту «Небесного странника», – высказал вслух я свое решение, вставая и откланиваясь.

Все время нашего разговора я старался не смотреть на Эйленору – уж очень она красива. И пусть, на мой взгляд, нос у нее мог бы быть и чуть короче, а губки чуть полнее, но это ли главное в женщинах? Иной раз, казалось бы, и взглянуть-то не на что. Но особая плавность в движениях, манера разговаривать, улыбаться и слушать заставляет биться сердце так, что на все остальное попросту уже не обращаешь внимания.

Энди за время моего отсутствия несколько не протрезвел, продолжая смотреть на окружающий его мир одним глазом и старательно жмуря другой. Гвен выглядел намного пристойнее. И в трех глазах на них двоих читался живой интерес: ну что там? Вообще-то я не обязан отчитываться в своих капитанских делах перед всеми, но команда «Небесного странника» мала, да и сам он не гигант Компании, так что отношения между нами скорее дружеские, чем служебные. Должен признаться, самому мне так даже больше нравится.

– Да, не повезло тебе, Энди, – заявил я, усаживаясь за стол. – У леди Эйленоры и без того судьба не слишком счастливо складывается, а тут еще и это...

Энди, для надежности прижав к закрытому глазу ладонь, слушал с таким напряженным интересом, что мне даже неудобно стало над ним подшучивать. Но все же я себя превозмог:

– В кои-то веки она встретила мужчину, одним своим видом поразившего ее в самое сердце, а он оказался вдребезги пьян. – Я не стал дожидаться, пока он сообразит, шучу я или говорю всерьез, и продолжил: – В общем, так. Завтра с утра направляемся с пассажирами в Груминер. Оплата отличная плюс надбавка за скорость. Так что пора уходить – необходимо еще подготовиться к приему пассажиров.

* * *

Но выйти спокойно из «Гордости Чеджура» нам не удалось, пусть Ансельму и помогал Гвенаэль, задавая ему курс и скорость, попутно следя за тем, чтобы Энди не потерял остойчивость. Когда до выхода оставалось всего несколько шагов, у Энди заплелись одна за другую ноги, Гвен не смог его удержать, и тот полетел вперед, целясь головой в как раз начавшие открываться двери.

Думаю, ничего страшного не произошло, если бы дверь не успела открыться – голова у Энди непременно выдержала бы. В крайнем случае я бы заплатил за починку двери. Или если бы входивший в дверь человек вовремя заметил атакующего его Энди и успел уклониться в сторону. Но увы, человек оказался очень занят своей спутницей из тех, что слишком любят деньги, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как нравственность и общественное мнение. Голова Энди угодила ему точно в солнечное сплетение, и человек, охнув, упал на колени.

«Отличный удар! – успел отметить я. – Еще бы, когда-то Энди ему и меня обучал, было дело. Пару раз он мне даже помог. Только как же не вовремя он его продемонстрировал!»

Пострадавший оказался одним из тех, кого я поначалу принял за бортников, а его спутница завизжала так громко и так пронзительно, как будто на ее глазах ему отрезали голову. Или ей самой отказались платить за предоставленные услуги.

Далее мы, все трое, вместе с успевшим подняться и утвердиться на ногах Энди оказались на улице, прижавшись спинами к бревенчатой стене корчмы. Несмотря на уже наступившую ночь, бревна все еще отдавали тепло, накопившееся в них за долгий, жаркий, солнечный день. В руках у всех нас поблескивали ножи, а напротив, полукругом, выстроились шесть человек.

Вообще-то их должно быть восемь, но один куда-то пропал еще до всего произошедшего, а жертва головы Энди продолжала стоять на коленях, ухватившись руками за живот.

«Только нам и этих шестерых может хватить за глаза, – с тоской подумал я, внезапно почувствовав, что хмель из головы испарился полностью. – Зря я с собой Ларда не захватил. Ну и что из того, что ему пить нельзя? Посидел бы с нами за компанию, попробовал местной кухни, полюбовался на местных красоток, поглазель, как другие веселятся. И как бы он сейчас нам пригодился! Схватил бы, например, за ноги вон того типа, ростом и худобой напоминающего оглоблю, и разогнал бы их всех».

В нашем герцогстве существуют ограничения на длину клинков, если ты, конечно, не служишь в армии герцога. Во всех остальных случаях необходимо иметь на груди специальную бляху, неважно, охранник ты или состоишь в свите какого-нибудь благородного господина. Самих благородных, естественно, все это не касается. Так вот, длина клинка не должна превышать расстояния от сгиба локтя до кончиков пальцев. Во всем остальном ограничений нет: лезвие может быть и обоюдоострым, и заточенным только с одной стороны, и широким, как лопасть лопаты, и узким, как шило. Сейчас, глядя на их ножи, мне почему-то показалось, что у руки человека, что ввел такое ограничение, были невероятной длины.

Наши ножи не такие. Обычные матросские ножи, они одинаковы и у тех, кто ходит по морям, и у тех, кто бороздит небеса. Длина лезвия чуть превышает длину ладони, сами ножи складные, и у каждого из них на рукояти есть петля. Петлю можно затянуть на запястье, когда работаешь с ножом где-нибудь высоко на мачте. Удобно – и за борт не выронишь, и случайно не прибьешь кого-нибудь из тех, что находятся на палубе. Таким ножом тоже можно творить чудеса, как творит их Энди, если, конечно, не пьян, как сейчас.

Попытаться что-то объяснить этим шестерым было заведомо бессмысленно, ведь они нашли себе то развлечение, которое долго искали. И стражников нет – их всегда нет, когда нужно. Стражу понять можно: все мы в Чеджуре чужаки, и зачем лезть туда, где деньгами даже не пахнет, а получить острое железо в бок или грудь – всегда запросто? Блюстителю порядка появятся потом, когда все закончится, чтобы убрать с главной площади города бездыханные тела. Вполне возможно – начнут именно с моего.

Один из старателей, не самый высокий и широкоплечий, но вооруженный таким же длинным ножом, как и у всех остальных, сделал выпад в мою сторону. Не то чтобы он хотел пронзить меня насквозь, скорее планировал заставить отшатнуться, но шутки кончились еще тогда, когда мы схватились за оружие. Потому что существует железное правило: вынул нож – бей. Это мне вдолбил голову Энди, удостоившийся сейчас от меня всех существующих на свете проклятий сразу.

Мой нож тоже складной, как у Энди и у Гвена, разве что лезвие чуть короче. Кстати, подарок самого Ансельма по случаю получения мною медальона небесного навигатора. Медальон и сейчас висел у меня на груди, и жалел я лишь о том, что он слишком мал, чтобы прикрыть грудь полностью. Ну и спину тоже, а заодно – и ноги с головой. Нож действительно очень хороший – Энди денег на подарок не пожалел. Лезвие из отличной стали, красивая резная рукоять с роговыми накладками, а отточен так, что волос на лету режет – Ансельм мастер ножи затачивать.

Этим-то ножом я и чиркнул по запястью сделавшего выпад в мою сторону старателя.

Самым кончиком чиркнул, но хватило и этого. Он выронил нож и, ухватившись за пораженную руку здоровой, отступил назад, отчаянно ругаясь и кривясь лицом. Оброненный им тесак удачно упал почти у самых ног Энди, и тот подхватил его чуть ли не на лету. Казалось бы все, удача на нашей стороне. Противников осталось пятеро, у Энди теперь два ножа, причем один из них и ножом-то назвать затруднительно, а сам он двумя клинками такие чудеса вытворяет!

Если бы не одно «но»: когда Энди подхватывал нож с земли, моего товарища так повело вперед, что он с трудом удержал равновесие. Да и обратной дороги у нас уже нет – первая кровь пущена. Кроме того, тот, первый, из-за которого все и началось, успел прийти в себя настолько, что поспешил восстановить численность своих дружков, присоединившись к ним.

«Всё, это конец!» – тоскливо думал я, оглядывая тех шестерых, что, возможно, уже в следующий миг бросятся на нас.

Помощь пришла, откуда я ее совсем не ждал. От удара изнутри входная дверь в «Гордость Чеджура» распахнулась так, что едва удержалась на петлях. Следом на крыльце, прикрытым сверху навесом от дождя, возникли двое телохранителей леди Эйленоры. Затем появилась и она сама, в сопровождении человека, представившегося мне Торпом.

Все они оказались за спиной у напавших на нас людей, потому что старатели отрезали нас от входа в корчму. И мы, и они отлично понимали – одно дело, когда драка случится на улице, пусть и на центральной площади города, там ее ночной порой можно якобы и не заметить. И уже совсем другое – в самой корчме, да еще и являющейся городской гордостью.

Должен заметить сразу – появление столь очаровательной леди на мой боевой дух не слишком-то и повлияло, уж очень велика была вероятность умереть, пусть и на ее глазах. А мертвым не все ли равно?

Дальше события развернулись совсем уж неожиданно. Торп остался вместе с Эйленорой на крыльце, коротко отдав команду на незнакомом мне языке двум ее телохранителям. Вот теперь ситуация нравилась мне значительно больше.

Эти парни и сидя производили впечатление своими размерами, а уж теперь, когда стояли во весь рост, причем в руках у каждого из них блестело по два клинка, короткий и длинный, – так вообще выглядели устрашающе.

«Нет, как все же замечательно, что я успел дать согласие на предложение Торпа! Ведь откажись я, они просто прошли бы мимо либо вернулись в корчму», – думал я, глядя на то, как два этих великана спокойными шагами приближаются к старателям.

Тем, кстати, сразу хватило ума понять, что шансов у них нет никаких, ведь теперь силы оказались почти равны. Нападающие молча отступили, чтобы через минуту раствориться в ночной мгле, и я с облегчением перевел дух – все закончилось. Теперь следовало нанять извозчика и возвращаться на корабль: приключений на сегодня хватит.

Но вначале необходимо было поблагодарить нашу спасительницу. Не сомневаюсь, именно она дала распоряжение вмешаться, по сути, спасшее нам жизнь. То, что Торп без ее, пусть молчаливого, одобрения и слова не вымолвит, стало мне понятно еще за столом.

Я подошел к Эйленоре и отвесил ей поклон:

– Леди Эйленора, я и мои люди чрезвычайно вам признательны за то, что вы помогли нам уладить это мелкое недоразумение.

Ее ответ стал для меня неожиданностью:

– Скажите, Сорингер, вы что, всерьез рассчитывали с ними справиться?

– Чтобы убедиться в этом, леди, вам стоило выйти из корчмы несколько позже, – снова склонился я в поклоне, сам удивляясь тому, как ровно звучит мой голос, ведь руки все еще ощутимо подрагивали. Благо в них я держал шляпу, сдернутую с головы перед тем, как поклониться.

На самом деле у меня оставалась слабая надежда пробиться в расположенный на другой стороне площади храм Создателя и Богини-Матери. Храм открыт даже ночью, и уж в нем мы точно были бы в полной безопасности. Если бы смогли туда попасть, конечно.

Света от масляного фонаря, висевшего над входом в корчму, хватило для того, чтобы понять: Эйленора смотрит на меня с явным интересом. Я для убедительности пожал плечами: мол, только что произошедшее для меня такие мелочи, о которых я обычно забываю буквально на следующий же день.

Следующий вопрос леди стал для меня еще более неожиданным:

– Сорингер, а вам часто приходится совершать безумные поступки?

На этот раз, когда я отвечал, голос мой все же дрогнул. Потому что я боялся ошибиться, увидев ее глазах нечто большее, чем просто вопрос.

– С вами, леди, готов на самый безумный из них, – склонился я в глубоком поклоне.

* * *

– Много денег проиграл, Люк? – Большие темно-синие глаза Николь смотрели на меня скорее с сочувствием, чем с укоризной.

Деньги? Какие деньги? О деньгах ночью даже не упоминалось. Тут я вовремя вспомнил, что, отправляя вчера вечером своих спутников на корабль, попросил Гвена, чтобы он как-нибудь обосновал мое отсутствие ночью на борту «Небесного странника». Ведь там первым делом поинтересуются, почему я не вернулся вместе с ними?

Энди вчера не заставило протрезветь даже то, что произошло, а Гвену, видимо, не пришло в голову ничего более подходящего, чем придумать, что я задержусь на всю ночь поиграть в кости. Вообще-то кости я люблю, но голову в игре никогда не теряю. Ну, почти никогда.

– Нет, Ники, разве что самую малость. Под утро мне даже начало везти, – добавил я для убедительности. И для того чтобы уклонить разговор в сторону от опасной темы, извлек небольшую шкатулку. – Посмотри, что я тебе в Чеджуре купил, когда возвращался.

Вырезанная из малахита с красивыми зелеными разводами, шкатулка выглядела очень красивой, но внутри была пуста. И вовсе не потому, что я пожалел потратить на Николь деньги, нет. Я вообще люблю делать подарки девушкам, причем дорогие, и – обязательно украшения. У каждого из нас есть свой бзик, пусть и маленький, кто скажет что-нибудь против? Вон, Лард опять из деревяшки что-то вырезает. Хотя его бзик обходится задаром, деревяшек вокруг полно. Но в этом ли дело? Приятно подумать о том, что через какое-то время, а то и через много лет какая-нибудь из прежних моих знакомых вспомнит, откуда у нее это красивое колечко, дорогой браслет или ожерелье. Глядишь, и вздохнет тайком от мужа, вспоминая меня хорошими словами.

Николь я тоже пытался золотое колечко подарить, хотя у меня с ней ничего и не было. Красивое такое колечко, в виде змейки с синими глазками, под цвет ее собственных. Но она даже примерять его не стала, заявив:

– Люк, понимаешь ли, в чем дело... Если я его возьму, то буду считать себя обязанной, а нам обоим это не нужно.

Ну, как сказать. Я, например, не имел бы ничего против, если бы Николь посчитала мне себя обязанной...

Как бы там ни было, шкатулку она, поблагодарив, взяла. Потом взглянула на меня как-то непонятно и скрылась в своей каюте.

Хотелось спать, ведь ночь выдалась еще та, но времени для этого уже не оставалось. Скоро придут наши пассажиры, и я уже несколько раз поглядывал в ту сторону, откуда они должны появиться, а мы все еще не готовы к их приему.

На палубе появился Рианель, вот к нему-то я и подошел:

– Господин Брендос, обстоятельства сложились таким образом, что на этот раз груз у нас не коммерческий – пассажиры. Пассажиров четверо, и среди них дама. С двумя из них проблем нет – они обычные охранники. Так же как и с дамой – она займет единственную нашу свободную каюту. А вот с местом для еще одного, сопровождающим леди Эйленору господином Торпом, вопрос необходимо решить. Думаю, вы не слишком будете возражать, если на время пути в Груминер он станет вашим соседом по каюте?

На месте Рианеля я, конечно же, первым делом поинтересовался, как выглядит дама. Привлекательна ли, стройна, ну и все остальное. Но Рианель не таков. Мне даже удивительно, что он Николь место в своей каюте предлагал. Неужели действительно считал, что ей там будет удобнее, и все?

– Договорились, господин Сорингер. В конце концов, моя каюта рассчитана именно на двоих. Кроме того, вероятно, мне стоит уже привыкать к соседству. Не всегда же я буду занимать ее один. – Здесь Рианель даже позволил себе легкое подобие улыбки. – Когда прикажете ждать пассажиров?

– Да в самое скорое время, господин Брендос. И спасибо вам.

В ответ он лишь слегка пожал плечами, мол, стоят ли такие пустяки благодарности? Ну и отлично, как только леди Эйленора со своими людьми прибудет, так сразу и отправимся.

Вообще-то разговор о размещении пассажиров у нас с ней ночью был. Не скажу, чтобы мы много разговаривали, но все же несколькими словами перекинулись. Когда я рассказывал Эйленоре, как именно хочу разместить пассажиров на борту «Небесного странника», то опасался, что ей придет в голову поселиться в капитанской каюте. Не то чтобы она меня этим стеснила, да и мы нашли бы чем заняться, но почему-то ужасно не хотелось, чтобы о нас узнала Николь. Казалось бы, ну какое девушке до всего этого дело? А вот не хотелось, и все...

Глава 4

Пираты

Полет к Груминеру дался легко. Почти все время задувал попутный ветерок, управление «Небесным странником» не приносило беспокойств, а пассажиры вели себя спокойно. По всему было видно, что полет для них далеко не первый.

Торп время от времени появлялся на мостике, но разговорами не докучал. Полюбовавшись окрестностями, он скрывался в каюте. А леди Эйленора... Однажды, сдав посреди ночи вахту Рианелю Брендосу, я обнаружил ее в своей постели. Ушла она задолго до рассвета, а следующим днем и все время до нашего прибытия в Груминер тщательно делала вид, что между нами ничего не произошло да и произойти не могло, а я старательно ей подыгрывал. В общем, славная в этом отношении женщина, да и во всех остальных тоже. Правда, мне даже в голову не пришло что-нибудь подарить Эйленоре – любого из бриллиантов в ее украшениях хватило бы на то, чтобы приобрести если и не сам «Небесный странник», то уж комплект запасных парусов для него – наверняка.

Когда мы подлетали к Груминеру, выяснилось, что нам нужен не сам город, а местность, расположенная к северу от него. Ничего страшного, несколько лишних часов лета, но дело в том, что мы немного не укладывались в срок, чтобы рассчитывать на премию за скорость. Я уж было совсем распрощался с двумя золотыми ноблями, обещанными сверх платы, но выяснилось, что зря: господин Торп не стал дожидаться нашего прибытия и вручил мне двенадцать монет. Что особенно радовало, все монетки выглядели новенькими, как будто бы только что вышли из-под прессы.

Мы высадили наших пассажиров, опустившись на пустоши недалеко от поместья, больше всего похожего на небольшую бревенчатую крепость. Не знаю, что им понадобилось в такой глуши – разговора о том, за какой надобностью они сюда летят, ни разу не возникало, ну а сам я любопытен в меру.

Покидая борт «Небесного странника», Торп сказал:

– Господин Сорингер. Надеюсь, вы и ваша команда не из болтливых. Два нобля вы получили именно для того, чтобы лишний раз не распускали язык.

Говоря это, смотрел он не то чтобы с угрозой, но и ласковым его взгляд тоже никак назвать было нельзя. От леди Эйленоры при расставании я вообще не услышал ни слова. Она равнодушно посмотрела на меня и лишь слегка кивнула.

Что ж, ее понять можно. Я для нее – мимолетная прихоть, и не более того. Но спасибо ей уже за одно то, что она спасла меня в Чеджуре...

В Груминере работа для «Небесного странника» нашлась сразу. Не успели мы еще толком опустить корабль на поле, как увидели спешащего к нам человека.

– Аудин Инсенс, – едва оказавшись на палубе, представился он, обведя всех взглядом, и, выбрав из стоявших рядом нас с Рианелем именно меня, поинтересовался: – Скажите, капитан, надолго ли вы задержитесь в Груминере?

– Все зависит от того, как скоро нам удастся найти человека, готового воспользоваться услугами «Небесного странника» при перевозке своих грузов, – пожал плечами я.

– Так значит, если я вас найму, мы сможем отправиться немедленно? – Казалось, он даже обрадовался.

– Ну, если нам удастся договориться об оплате...

Вообще-то существуют определенные тарифы, зависящие от того, куда именно необходимо доставить груз. Если недалеко, то, естественно, плата будет меньше, если расстояние ока-

жется значительным, соответственно, и золота придется выложить больше. Редко так бывает, что где-нибудь в одном месте соберется множество небесных кораблей, и тогда в борьбе за клиента приходится сбавлять цену. Обычно торгуются купцы.

Ситуация в Груминере пока была мне непонятна. Вдруг торговцев, нуждающихся в услугах моего корабля, много, и с чего бы тогда соглашаться с первым же из них? И потому я предложил Инсенсу немного подождать, а сам отправился в традиционную таверну на краю посадочного поля.

После визита в нее выяснилось – на то, что купцы передерутся между собой, пытаюсь занять место на борту «Небесного странника», я рассчитывал зря, поэтому с Аудином Инсенсом мы договорились.

* * *

Наш новый клиент оказался весьма жизнерадостным типом и не улыбался, наверное, только во сне. Еще он оказался любителем поговорить, и ровно полдороги к Джессору, городу-порту на северном берегу Срединного моря, мы выслушивали его рассказы о том, как удачно ему удалось продать в Груминере партию одежды, взамен не менее удачно купить тюки с кожей, которую и намеревался выгодно сбыть в Джессоре. Я позволил себе немного усомниться – Джессор расположен на самой границе со степью, и на ней пасутся бесчисленные стада, но тактично промолчал.

К высоте Инсенс никакого страха не испытывал и даже один раз попытался залезть на мачту. Правда, хватило его запала только до середины. А еще с купцом произошел один случай, и, вспоминая его, я всякий раз улыбаюсь.

Надо вам сказать, на «Небесном страннике» не так много свободного места. Если хорошенько разобраться, его вообще нет. Так вот, обедаю я в своей каюте, и если появляется возможность, мой навигатор, Рианель Брендос, обедает вместе со мной. У меня каюте не то чтобы просторно, но помимо кровати, сундука и нескольких полок, занятых теми вещами, что я успел накопить за время своих странствий, имеется еще и стол. За ним при желании может разместиться весь экипаж «Небесного странника». Такого еще ни разу не происходило, но теоретически – да, возможно. Зачастую вместе со мной обедает Николь, слишком уж крохотна ее собственная каютка.

Аудин Инсенс, получив приглашение составить нам компанию, отказываться не стал. То ли Николь совершенно его очаровала, то ли он по своей природе сердцеед, но после первого же совместного обеда купец начал проявлять по отношению к ней всяческого рода знаки внимания, иной раз весьма настойчивые. Много удовольствия его ухаживания Николь не доставляли, но она стойчески их терпела. Как бы там ни было, все-таки он наш клиент, от его рассказов о времени, проведенном на борту «Небесного странника» в дальнейшем будет зависеть многое, и она это понимала. Терпел и я – до той поры, пока не увидел, что Николь что-то выговаривает клиенту, причем – не с самым ласковым выражением лица. Тут я уже не выдержал, и поинтересовался:

– Николь, быть может, мне стоит поговорить с ним по-мужски?

– Нет, Люк, не стоит этого делать, – отказалась она, глядя на меня глазами небесной синевы, что всякий раз заставляют меня затаивать дыхание. – До Джессора осталось не так уж много, ты не беспокойся, я потерплю.

Затем произошло то, ради чего я все это и рассказал. Аудин Инсенс стоял рядом со мной на мостике, кутаясь в теплый плащ и повествуя о том, каким большим вниманием он всегда пользуется у женщин. При этом он не забывал поглядывать на палубу, где в любой момент могла появиться Николь. Но вместо нее на палубе появился Энди, причем выглядел он как-то очень странно: весь скрюченный, припадающий на левую ногу, с выпученными глазами и

с широко открытым, перекошенным ртом. Проковыляв по палубе, Энди подошел к дверям каюты Николь и робко в них постучал. Подождав, он повторил попытку вновь, но и на этот раз тщетно. Лишь на третий его стук в дверном проеме показалась Николь, упершая в бока руки, и Энди начал часто ей кланяться. Посмотрев на него некоторое время, Николь указала на открытую дверь – заходи.

– Допрыгался, – невозмутимо прокомментировал увиденное стоявший за штурвалом Гвен.

Мы все ждали, что же будет дальше. Ожидание оказалось недолгим: дверь в каюту Николь снова распахнулась, и из нее вышел Энди. Причем вышел задом, пятясь и кланясь на уже закрывшуюся дверь. После нескольких шагов он выпрямился, смахнул со лба пот и уже нормальным шагом скрылся там, откуда недавно и появился, – в матросском кубрике.

– А что это с ним произошло? – поинтересовался впечатленный увиденным зрелищем Аудин Инсенс.

– Да я уже много раз предупреждал Энди, чтобы он к Николь не приставал, а то для него все этим и закончится, – охотно откликнулся Гвен. – Но он уперся: на меня не подействует, на меня не подействует... Хорошо хоть, что обошлось. Вон, Мартин, наверное, так и ходит до сих пор. Ему даже с «Небесного странника» пришлось уйти. А вас что, не предупреждали?

Аудин Инсенс с подозрением покосился на меня: что, мол, за дела? Почему мне никто ничего не сказал?

«Негодяи, – вздохнул я, – могли бы и в известность поставить. А теперь выкручивайся как можешь. И все же доходчиво получилось».

– Поди, Энди руки начал распускать? – обратился я к Гвену, на что тот молча кивнул, якобы подтверждая мою догадку. – Ну и поделом ему, будет знать!

Некоторое время после этого Инсенс Николь сторонился, но, как выяснилось впоследствии, надолго его не хватило. Но об этом чуть позже.

* * *

Обычно перелет от Груминера к Джессору занимает около десяти дней: сначала над рекой Ая до города Дигранес, затем повернуть на чистый запад и уже над Мордидом взять курс на северо-запад. Без карты понять наш путь будет затруднительно, и она у меня есть. Вернее, есть целых две карты, и вторая из них является далеко не полной копией первой.

Каждый навигатор имеет свою карту, порой испещренную только ему одному понятными значками, – жизнь заставляет. Преобладающие ветра в разные времена года, опасности на земле наподобие Заивейской плещи, ну и многое другое, необходимое для работы. Все это есть на моей второй карте, и я ни от кого не ее скрываю. Что же касается первой – она единственное мое сокровище, помимо «Небесного странника».

Эта карта досталась мне совершенно случайно. Будучи еще навигатором на «Барракуде», однажды я забрел в Бернместире в книжную лавку. Сам Бернместир город немалый, претендующий на звание второй столицы герцогства. И располагайся он более удачно, вполне мог стать и первой. По крайней мере, герцогский дворец в нем тоже есть, а сам герцог частенько и подолгу пребывает в Бернместире. Как говорят сведущие люди, если герцог в нем, значит, что-то не так, что-то против него затевается. Действительно, Бернместир не город, а сплошная крепость, так что в их словах есть резон.

В лавку я забрел для того, чтобы убить время до встречи с одной из тех милых горожанок, коими Бернместир славится на все герцогство. Копаясь в стопке старых карт, выглядевших так, что им самое время оказаться в топке, я и обнаружил эту.

Я уже собирался уходить, да и в планы мои никакие покупки не входили – денег оставалось ровно на то, чтобы впечатлить одну мою новую знакомую, хорошенькую такую девушку

с многообещающим взглядом огромных зеленых глаз. Но когда я наткнулся карту, рука сама собой потянулась к кошельку.

Опасался я одного – что мне не хватит денег на покупку. В итоге я выложил за нее все до последней клипы. Вероятно, сам хозяин не представлял действительную цену карты, но тем не менее вытянуть у меня все деньги он сумел. Иначе какой же он торговец, если не сможет определить, что покупатель без приглянувшейся ему вещи явно не уйдет?

Купил я карту, повздыхал-повздыхал о потерянной возможности познакомиться поближе с обладательницей пушистых ресниц, алых губок, блестящих глаз и всех тех плавных изгибов, что так волнуют мужские сердца при одном только взгляде на них, да и отправился на борт «Барракуды».

Впрочем, о покупке карты я не пожалел ни разу. Во-первых, она оказалась очень подробной: реки и моря, леса и горы, города и селения, опасные места, воздушные течения, проходы в горах и еще много такого, что оценить может только навигатор летучего корабля. Во-вторых же, ее буквально испещряли многочисленные значки и пометки. Часть из них мне удалось понять сразу, о части я смог догадаться позже, но добрая треть так и остаются для меня загадкой до сих пор. Хотя время от времени мне удастся разгадать значение одной из них.

Не так давно, уже на борту «Небесного странника», я показал один из значков Николь, предварительно старательно его скопировав на клочок бумаги. Слишком уж часто значок повторялся на карте, причем всегда у каких-нибудь селений, а она однажды мимоходом упомянула о том, что некоторое время изучала письменность Древних, ну я и подумал – быть может, есть какая-нибудь связь?

Должен признаться, реакцию я получил самую неожиданную. Девушка так густо и стремительно покраснела, что для меня сразу стал понятен смысл этого условного обозначения.

«Вот же кобелиной был ее прежний владелец! – с восхищением думал я, разглядывая карту по-новому. – Это же надо, а?! Мне до него...»

А теперь самое время рассказать о том, что кроме карты и «Небесного странника» есть и еще одна ценность, забрать которую у меня можно только с вместе жизнью. Да и то воспользоваться ею не удастся.

* * *

Дни на пути в Джессор сменялись днями, и прошло их уже целых пять, когда с нами случилось то, что изредка случается чуть ли не со всеми небесными кораблями, перевозящими груз: на нас напали пираты. К тому времени мы прошли чуть в стороне от Мордида и, повернув на северо-запад, следовали этим курсом почти целые сутки.

Вообще-то должен заметить: измерить скорость идущего в небесах корабля, в отличие от морского, целая проблема. В этом не поможет ни лаглинь, ни время, за которое брошенная за борт щепка преодолеет расстояние между двумя отметинами на фальшборте, и поэтому ход корабля определяется просто на глаз. Возможно, когда-нибудь потом люди придумают, как это сделать, но сейчас определить скорость попросту невозможно. К тому же вот еще какая штука – чем ближе корабль к земле, тем меньше у него скорость, и тут уж она не зависит ни от силы ветра, ни от количества выставленных парусов, только от л'хассов. На небольшой высоте они как будто бы тормозят движение корабля, и это одна из причин того, что корабли Компании забираются в такую высь. Туда, высоко в небо, л'хассы корабли поднимают, но в то же время не препятствуют им набрать такой ход, на который они только способны. Почему так происходит? А вы спросите у Коллегии, и она вам ответит. Если, конечно, сочтет нужным или знает сама.

Когда «Небесный странник» повстречался с пиратами, мы с навигатором Брендосом как раз закончили разговор на тему измерения хода летучих кораблей и перешли к следующей. Ночь перевалила за середину, за штурвалом стоял Родриг Брис, держась за него левой рукой, а

правую запустив в свою роскошную черную бороду. «Небесный странник» шел с почти незаметным креном на левый борт, но не потому, что сбились настройки л'хассов, нет. Просто ветер задувал нам в правый.

Я только что заступил на вахту, и Рианелю вообще-то следовало идти отдыхать, но у меня зачастую создается впечатление, что спит он не потому, что необходимо, а потому, что положено. Слева по курсу виднелись силуэты гор Манораса, и я на всякий случай попросил Родрига взять чуть правее. Тогда-то все и произошло.

Темную зловещую тень за кормой высоко в небе первым увидел Рианель. Наверное, потому что все мои мысли были заняты одним: почему сквозь небольшое окошечко в дверях каюты Николь пробивается свет? Время позднее, вахты она не несет, дел посреди ночи у нее нет. Так что же заставляет ее бодрствовать? Самой приятной мыслью была та, что не спит Николь потому, что думает обо мне. Сидит себе с затуманенным взором, опершись локтями на крошечный столик, донельзя заставленный всякими нужными ей предметами, положив подбородок на сжатые кулаки, и думает о том, что я тоже не сплю, неся вахту и раз за разом меряя мужественными шагами мостик «Небесного странника».

Ну, положим, мостик шагами я не мерял, а стоял рядом с Рианелем, разговаривая с ним, но ведь Николь точно не может знать, чем я сейчас занимаюсь.

– Люкануэль, – сбил меня с мысли голос Брендоса, необычно для него взволнованный, – смотрите!

К тому времени мы уже разговаривали о кораблях Компании, о заведенных на них обычаях, кажущихся нам обоим довольно странными, и даже успели согласиться с мнением друг друга, что не хотели бы поменять наше нынешнее бытие на то, о котором знали только по чужим рассказам. Говорил в основном Рианель, я больше слушал его и поддакивал. Обычно он человек молчаливый, пока не спросишь о чем-либо, и я первый раз увидел его таким разговорчивым. Видимо, даже таким людям, как Брендос, время от времени необходимо выговориться. И тем неожиданней стало для меня его обращение ко мне по имени.

Действительно, по корме выше нас на фоне звезд виднелось темное смутное пятно.

Любой идущий ночью небесный корабль обязательно должен нести на себе несколько зажженных фонарей. Вообще-то положено не менее пяти: на верхушке мачты, по носу, на корме и по одному на каждом борту, с тем расчетом, чтобы их можно было увидеть не только сбоку, но и снизу Правило, неукоснительно соблюдаемое всеми. Разве что на верхушке мачты фонарь зажигается не всегда – хлопотно, да и смысла особого нет, ведь огней сверху и без того видно целых четыре. Но в любом случае, с какого ракурса на летящий по небу корабль ни посмотри, то увидишь как минимум огни двух фонарей.

На преследующем нас корабле не горел ни один огонек, и сомнений быть не могло – это пираты. Корабль шел курсом прямо на нас, и по-моему, он снижался.

Обычно тактика у пиратов такая: подобраться незамеченным где-нибудь в пустынном местечке, пройти над целью и сбросить на нее груз, для чего в днище у них есть специальный люк. Грузом могут быть и обыкновенные камни, ведь хватит и их, стоит только попасть точно. Еще они применяют бочки с гванельской смесью – те при ударе о палубу раскалываются, и смесь, вытекшая на палубу, загорается сама по себе, ее даже поджигать нет необходимости. С недавних пор заговорили еще об одном способе: появился какой-то порошок, вспыхивающий от малейшей искры. Причем вспыхивает он с таким грохотом и силой, что земля содрогается. Но в любом случае атакованному сверху кораблю не поздоровится: иные от удара камней сверху разламываются прямо в воздухе, другие сгорают, а еще бывают случаи, когда сбивается настройка л'хассов и тогда корабли заваливаются набок, чтобы затем рухнуть на землю. После чего ходи себе среди обломков и собирай все, что понравится.

– Колокол! – отреагировал я на внезапно возникшую угрозу. Рианель подскочил к корабельному колоколу и часто-часто в него зазвонил – тревога!

Сначала на палубе возник Аделард Ламнерт, чему я даже удивляться не стал. Причем мало того что он оказался на палубе первым, так еще успел облачиться в стальную кирасу и шлем, а в руках держал алебарду с арбалетом.

Вот что значит воинская выучка – сначала выскочи, готовый ко всему, а затем уже разбирайся. За ним показались и все остальные.

Дежуривший в одной смене с Родригом Гвен застыл у кабестана в ожидании команд с мостика. А они должны быть обязательно, ведь сейчас для нас главное – маневрировать так, чтобы пират не оказался точно над нами. Абордажи в воздухе происходят редко, ведь подойти к борту сложно – в небесах, в отличие от морей, можно не только поворачивать влево-вправо, но и подниматься или опускаться.

Так вот, самое время рассказать о той ценности, что отобрать у меня невозможно – я чувствую ветер. Именно чувствую, причем вижу его, а не угадываю или еще как.

Например, почему я до сих пор еще не отдал ни единой команды, хотя и Рианель, и стоявший за штурвалом Родриг уже несколько раз с явным нетерпением на меня поглядывали: надо что-то делать!

А мы и будем делать, но чуть позже. Нам нужно успеть (и мы успеем!) пройти немного все тем же курсом, а затем повернуть влево. Там нас подхватит сильный воздушный поток. Дует он вверх под уклоном, и когда наступит пора подниматься вместе с ним, он будет нам помогать. Когда мы окажемся много выше атакующего нас корабля, то мы повернем, мы повернем...

Пока я еще плохо представляю, что мы сделаем дальше, но уверен – у пиратов нет никакого шанса с нами справиться. Если, конечно, у них нет человека с таким же даром, как у меня, в чем я очень сомневаюсь.

Я не знаю, откуда он у меня взялся – дар чувствовать ветер. Возможно, наследственное, возможно, он дан мне Богиней-Матерью, но он у меня есть.

Вероятно, я так и прожил бы вместе с ним, даже не подозревая о его существовании, не приземлился рядом с Гволсуолем «Орегано» и не оказался я на его борту. Открыл мне его капитан Кторн Миккейн, ведь до этого я думал, что ветер умеют чувствовать все. Он же и посоветовал мне держать язык за зубами, если я не хочу оказаться там, высоко в небе на одном из кораблей Ост-Зейндской Торговой Компании. И я до сих пор ему благодарен, потому что я не хочу туда, где все серо, холодно и нет возможности любоваться проплывающей под тобой землей без хлюпанья простуженным носом, пряча его в воротник овчинного тулупа.

А Компания нашла бы средство забрать меня к себе и повязать пожизненным контрактом. И пусть он оплачивается очень неплохо, пусть корабли компании – гиганты по сравнению с крохой «Небесным странником», но я туда не хочу. Так что я скрываю свой дар и буду скрывать его даже от тех, кого считаю близкими для себя людьми. Пользуюсь я им очень редко, когда совсем уж нельзя без него обойтись. Например, как использую его сейчас. Или во время ночной вахты, прикрывая изменения курса и высоты корабля тем, что проверяю его возможности. Ну вот и все, пора.

– Родриг, возьми левее! Гвен, оборота полтора-два в правую сторону, поднимаемся!

– Есть, капитан! Есть, капитан! – ответили они оба, и их голоса едва ли не слились в единый.

Крутить кабестан в правую сторону – это всегда набор высоты, что нам сейчас и требовалось.

Преследующий нас корабль, казалось, приближался к нам неминуемо и через некоторое время обязательно должен оказаться над нами. Мы даже скрип услышали: вероятно, там готовятся к тому, чтобы открыть нижний люк. Сейчас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.